

Литературное путешествие

Элиф Батуман

Идиот

«Издательство АСТ»

2010

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Батуман Э.

Идиот / Э. Батуман — «Издательство АСТ»,
2010 — (Литературное путешествие)

ISBN 978-5-17-112416-8

Американка Селин поступает в Гарвард. Ее жизнь круто меняется – и все вокруг требует от нее повзрослеть. Селин робко нащупывает дорогу в незнакомое. Ее ждут новые дисциплины, высокомерные преподаватели, пугающе умные студенты – и бесчисленное множество смыслов, которые она искренне не понимает, словно простодушный герой Достоевского. Главным испытанием для Селин становится любовь – нелепая любовь к таинственному венгру Ивану... Элиф Батуман – славист, специалист по русской литературе. Роман «Идиот» основан на реальных событиях: в нем описывается неповторимый юношеский опыт писательницы. Высоко оцененный критиками, роман был назван лучшей книгой месяца по версии New York Times Book Review. В 2018 году «Идиот» вошел в список финалистов Пулитцеровской премии.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-112416-8

© Батуман Э., 2010

© Издательство АСТ, 2010

Содержание

Часть первая	6
Осень	6
Весна	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Элиф Батуман

Идиот

Но в моем тогдашнем сумасбродном возрасте – возрасте совсем не бесплодном, напротив: плодоносном – обыкновенно не обращаются с вопросами к рассудку, а самые незначительные свойства принимают за неотъемлемую часть человеческой личности. Окруженные чудищами и богами, мы не знаем покоя. Нет почти такого поступка, совершённого нами тогда, который нам впоследствии не захотелось бы перечеркнуть. Вот о чем нам нужно было бы пожалеть, так это о бездумности, с какою мы тогда действовали. Потом мы смотрели на вещи с более практической точки зрения, совершенно так же, как смотрит всё общество, но зато юность – это единственная пора, когда человек чему-нибудь да научается.

Марсель Пруст. «В поисках утраченного времени». Книга II. «Под сенью девушек в цвету»¹

© 2010, Elif Batuman

© Григорьев Г., перевод на русский язык, 2018

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2018

Часть первая

Осень

До колледжа я понятия не имела об «электронной почте». Но я о ней слышала и знала, что у меня будет некий «свой» имэйл.

– Ты станешь такой модной, – говорила одна из моих теток, она была замужем за компьютерщиком, – будешь слать и-мэйлы, – она акцентировала «и» и делала паузу перед «мэйлы».

Тем летом я слышала об электронной почте всё чаще.

– Мир меняется с такой скоростью! – как-то сказал отец. – Сегодня на работе я бродил по Сети. Вот я в музее Метрополитен, а через секунду – уже в Аныткабире.

Мавзолей Ататюрка Аныткабир – это в Анкаре. Я не представляла, о чем говорит отец, но заявление, что он в тот день побывал «в Анкаре», иметь смысла никак не могло, и я пропустила его слова мимо ушей.

В первый день учебы я отстояла очередь к складному столику и в итоге получила электронный адрес с временным паролем. Этот «адрес» состоял из моей фамилии Karadağ, начинался с маленькой буквы и без турецкой ğ, которая не читается. С раннего детства я поняла, что немая g – забавная штука. «Конечная g не читается», – повторяла я усталым голосом: доходило уже до смешного. Мне было неясно, что такого «адресного» в электронном адресе и что это вообще за сокращение – «email».

– А с этим что делать – повеситься? – спросила я, беря в руки сетевой кабель

– Просто воткните в стенку, – ответила девушка за столиком.

Поскольку об этом всё у меня не было ни малейшего представления, электронная почта мне виделась чем-то вроде факса, но с участием принтера. Никаких принтеров, однако, не потребовалось. Совсем иной мир. Доступ в него давали лишь некоторые компьютеры, рассеянные внутри обычного ландшафта и с виду ничем не отличающиеся от прочих. И неизменно, в невидимой постороннему глазу конфигурации, там всегда присутствует светящийся список сообщений от знакомых и незнакомых людей – посланий, написанных одним шрифтом, словно универсальный почерк разума или всего мира. Какие-то сообщения соблюдают эпистолярные формальности – «Уважаемая», «Искренне Ваш», – а другие напоминают телеграммы: лишь строчные буквы и никакой пунктуации, словно проецируются прямо из мозга. И в каждом сообщении содержится предыдущее: твои собственные слова возвращаются к тебе – ты их бросил, а они вернулись.словно история твоих отношений – история пересечения твоей жизни с жизнью других людей – постоянно записывается и обновляется, и ее можно просмотреть в любое время.

* * *

До начала учебы потребовалось выстоять массу очередей и собрать кучу раздаточного материала – в основном, инструкций: как реагировать на сексуальные домогательства, что делать при желудочных расстройствах, как подать заявку на студенческую ссуду. Нам показали ролик о выпускнике колледжа, он сломал ногу и просрочил выплату ссуды, – иными словами, неудачно спланировал бюджет: в правильном бюджете серьезные увечья предусмотрены. Щедрость банка не знала границ – по крайней мере, в части очередей и раздаточных материалов. Мне даже дали бесплатный словарь. В нем не оказалось ни статьи «Рататуй», ни статьи «Тасманийский дьявол».

На лестнице, ведущей к новому жилью, я услышала немзыкальное пение и шлепанье пластиковых тапок. Моя соседка Ханна стояла на стуле и прикрепляла над своим столом табличку «Стол Ханны Парк», монотонно подпевая песне группы Blues Traveler в плеере. Когда я вошла, она обернулась, изобразив пантомиму удивления и покачиваясь из стороны в сторону, потом шумно спрыгнула на пол и сняла наушники.

– Ты не думала о карьере мима? – спросила я.

– *Мима?* Нет, дорогая, боюсь, родители отправили меня в Гарвард учиться на хирурга, а не на мима. – Она громко высморкалась. – О! А *мой* банк не дал никаких словарей!

– В нем нет тасманийского дьявола, – заметила я.

Она взяла словарь и пролистала его. – Здесь много слов.

Я сказала, что она может оставить словарь себе. Ханна поставила его на полку рядом со словарем, который ей подарили в школе как лучшей выпускнице. – Вместе они неплохо смотрятся, – произнесла она.

Я спросила, есть ли в ее словаре тасманийский дьявол. Его и там не оказалось.

– Разве тасманийский дьявол – не персонаж из мультика? – Она недоверчиво на меня посмотрела. Я показала страницу своего старого словаря, где был не только тасманийский дьявол, но и тасманийский волк – на картинке он немного грустно смотрел через левое плечо.

Ханна подошла вплотную и взглянула на страницу. Потом огляделась по сторонам и с жаром прошептала мне в ухо: – Эта музыка играет уже целый день.

– Какая музыка?

– Т-с-с... Не шевелись.

Мы стояли, не шевелясь. Из-под двери нашей третьей соседки Анжелы тихо плыли романтические струнные.

– Саундтрек к «Легендам осени», – прошептала Ханна. – Она крутит его всё утро, с тех пор, как я встала. Она просто сидит там за закрытыми дверьми и постоянно крутит эту запись. Я постучала и попросила убавить звук, но всё равно слышно. Чтобы заглушить, мне пришлось включить плеер.

– Вроде не очень громко, – сказала я.

– Просто как-то дико, что она там вот так сидит.

В наш блок на трех человек Анжела въехала вчера в семь утра и заняла одноместную спальню, оставив нам с Ханной спальню с двухъярусной кроватью. Приехав вечером, я застала яростно орудующую там Ханну, она двигала мебель, чихала и отпускала громкие реплики про Анжелу.

– Я ее даже ни разу не видела! – прокричала Ханна из-под стола. Две странные штуковины, которые она тянула в разные стороны, вдруг рассоединились, и Ханна ударилась головой. – УУУ! – завопила она. Потом выползла наружу и в гневе указала на Анжелин стол. – Видишь книги? Они фальшивые! – Она схватила предмет, с виду похожий на стопку из четырех книг в кожаном переплете с надписью «Библия» на одном из корешков, потрясла им у меня перед носом и с шумом швырнула на место. Предмет оказался деревянной коробкой. – Что хоть там внутри? – она постучала по Библии. – Ее последний завет?

– Ханна, пожалуйста, аккуратнее с чужой собственностью, – произнес мягкий голос, и тут я заметила двух сидящих на банкетке корейцев – очевидно, Ханниных родителей.

Тут вошла Анжела. Милое выражение чернокожего лица, гарвардская ветровка и гарвардский рюкзак. Ханна тут же высказала всё, что думает по поводу одноместной комнаты.

– Ну да, – сказала Анжела. – Просто я приехала ужасно рано, и у меня столько чемоданов.

– Уж чемоданы-то я заметила, – Ханна распахнула дверь в Анжелину комнату. Единственное крошечное окошко было украшено куском желтой ткани и гирляндой матерчатых роз, а в темноте виднелись четыре или пять чемоданов величиной с человека.

Я предложила занимать эту комнату по очереди, треть года каждая, а Анжела пусть будет первой. Появилась мать Анжелы, волоча еще один чемодан. Она встала в дверях Анжелиной комнаты. Ее тело заполняло весь проем.

– Сойдет, – сказала она.

Отец Ханны встал и вынул фотоаппарат.

– Вот вы и соседи по общежитию! Вы надолго запомните вашу дружбу! – Он несколько раз снял Ханну и меня, а Анжелу снимать не стал.

* * *

Ханна купила холодильник в нашу общую комнату. Она сказала, что разрешит мне им пользоваться, если я тоже что-нибудь куплю – типа плаката. Я спросила, какие плакаты ей нравятся.

– Психоделические, – ответила она.

Я понятия не имела, что такое «психоделический плакат», и она показала свою психоделическую записную книжку. По флуоресцентной пестрой спирали шагали, исчезая в центре, лиловые ящерицы. – А если в магазине такого нет? – спросила я.

– Тогда фотку Альберта Эйнштейна, – ответила она решительно, словно эта альтернатива – первое, что должно прийти на ум любому.

– Альберта Эйнштейна?

– Да, какую-нибудь из тех черно-белых фоток. Ну, сама знаешь: Эйнштейн.

В книжной лавке кампуса выбор плакатов с Альбертом Эйнштейном оказался огромным. Эйнштейн у доски, Эйнштейн в машине, Эйнштейн с высунутым языком, Эйнштейн с трубкой. Я не вполне понимала, почему у нас на стене должен висеть Эйнштейн. Но не покупать же себе отдельный холодильник.

Плакат, который я выбрала, был абсолютно ничем не хуже и не лучше остальных Эйнштейнов: но Ханне, похоже, он не понравился.

– Хм-м! – сказала она. – Думаю, он будет хорошо смотреться там, – она указала на стенку над моей книжной полкой.

– Но тогда он будет не виден тебе.

– Всё нормально. Там – лучше всего.

Теперь все, кому случалось заглядывать в нашу комнату – соседи с просьбой что-нибудь одолжить, местные компьютерщики, кандидаты в студсовет и прочие, у кого мои скромные увлечения, казалось бы, должны вызывать весьма ограниченный интерес, – принимались из кожи вон лезть, лишь бы избавить меня от пиетета перед Эйнштейном. Он изобрел атомную бомбу, мучил собак, наплевал на своих детей...

– Есть масса гениев куда более великих, – сказал мне один сосед по коридору, зашедший взять почитать «Двойника» Достоевского. – Альфред Нобель терпеть не мог математику и ни одному из математиков свою премию не присудил. А ведь было немало тех, кто действительно ее заслуживал.

– Ага. – Я протянула ему книжку. – Ладно, пока, увидимся.

– Спасибо, – сказал он, сверля взглядом плакат. – Этот человек избивал жену, заставлял ее решать для него математические задачи, выполнять всю грязную работу, а потом отказался упомянуть в соавторах. И ты вешаешь его фото на стенку.

– Слушай, избавь меня от этих разговоров, – ответила я. – Это вообще не мой плакат. Долго объяснять.

Но он не слушал.

– В этой стране Эйнштейн – синоним гения, в то время как многие более гениальные люди никому не известны. Почему? Скажи мне.

Я вздохнула.

– Может, это потому, что он и есть лучший и даже ревнивым злопыхателям не удастся умалить его звездный статус, – ответила я. – Ницше бы сказал, что гений такой величины *вправе* поколачивать жену.

Это его заткнуло. Когда он ушел, я подумала снять плакат. Мне хотелось слыть смельчаком, которого не могут поколебать чужие недалекие суждения. Но какое именно из суждений следовало считать недалеким – то, что Эйнштейн самый великий, или то, что он хуже всех? В итоге плакат остался на стенке.

* * *

Ханна храпела. Всякий предмет в комнате, если он не являл собой цельный кусок дерева – оконные стекла, кроватные ножки, матрасные пружины, моя грудная клетка, – вибрировал за компанию. Будить или переворачивать ее было бесполезно. Через минуту всё начиналось снова. Когда она спала, я, по определению, бодрствовала – и наоборот.

Я убедила Ханну, что у нее – синдром обструктивного апноэ сна, который лишает кислорода мозговые клетки, ставя под угрозу ее шансы попасть в приличную медшколу. Она отправилась в медцентр кампуса и вернулась с коробкой пластырных полосок, которые, по идее, предотвращают храп, если наклеить их на нос. На коробке была фотография мужчины и женщины, они вглядываются вдаль, на носу у них – гармонирующие друг с другом полоски, а волосы женщины волнует бриз.

Ханна подняла нос, наклонив голову вбок, и я большими пальцами приладила полоски на нужное место. Ее личико было таким маленьким и кукольным, что я ощутила волну нежности. Потом она стала по какому-то поводу орать, и волна схлынула. Полоски и в самом деле помогли, но из-за них у Ханны начались синусовые головные боли, и она перестала ими пользоваться.

* * *

Долгими днями, которые тянулись между еще более долгими ночами, я шаталась из кабинета в кабинет, проходя квалификационные тесты. В комнате цокольного этажа мне пришлось писать сочинение о том, что лучше – быть человеком Возрождения или узким специалистом. Тест на математическое мышление состоял из кучи тоскливых задачек («На графике изображено гипотетическое изменение массы бройлерного цыпленка до возраста восьмидесяти недель»), а каждый день завершался большим собранием, где ты сидишь на полу и тебе рассказывают, что теперь ты – маленькая рыбка в большом море, и данное обстоятельство – не повод для тревоги, а ободряющий вызов. Я старалась не придавать слишком большого значения всей этой ерунде с рыбой, но она всё равно вскоре стала меня удручать. Трудно сохранять бодрость, когда тебе непрерывно твердят, что ты – маленькая рыбка в большом море.

* * *

Кэрол, мой консультант по учебной программе, говорила с британским акцентом и работала в Управлении информационных технологий. Двадцать лет назад, в семидесятые, она получила в Гарварде степень магистра по древнескандинавским языкам. Я знала, что Управление информационных технологий – это место, куда нужно ежемесячно отсылать свои телефонные счета. В остальном же его деятельность оставалась тайной. При чем тут древнескандинавские языки? «У меня самые разные обязанности», – это всё, что сказала Кэрол о своей работе.

Мы с Ханной обе подцепили жуткую простуду. По очереди мы покупали микстуру и опрокидывали ее в себя из пластиковой чашечки, как из рюмки.

Когда настала пора выбирать темы для занятий, все вокруг говорили, что самое важное – подать заявку на установочные семинары, поскольку другой шанс поработать с профессорами по специальности может не представиться еще несколько лет. Я подала заявки на три семинара по литературе, и вот меня пригласили на собеседование. Я явилась на верхний этаж холодного белого здания, где двадцать минут зябла на кожаном диване под световым люком, сомневаясь, что пришла туда, куда нужно. На кофейном столике лежали какие-то странные газеты. Именно тогда я впервые увидела литературное приложение к «Таймс», «Times Literary Supplement». Я ничего в нем не поняла.

Открылась дверь, и профессор пригласил меня войти. Он протянул мне руку – огромную ладонь на неимоверно тощем и бледном запястье, которое на фоне гигантского пальто выглядело совсем лилипутским.

– Мне, наверное, не следует жать вам руку, – сказала я. – У меня простуда.

И тут же неистово расчихалась. Профессор был ошарашен, но быстро пришел в себя.

– Будьте здоровы! – элегантно произнес он. – Сочувствую по поводу вашего недуга. Первые дни в колледже бывают суровым испытанием для иммунной системы.

– Да, я учусь им противостоять, – ответила я.

– Что ж, ради этого здесь всё и происходит, – сказал он. – Учение! Ха-ха!

– Ха-ха! – откликнулась я.

– Ладно, к делу. Судя по вашему заявлению, вы – весьма творческая личность. Мне понравилось поданное вами эссе. Единственное, что меня беспокоит: вы должны понять, что наш курс – не творческий, а академический.

– Хорошо, – ответила я, энергично кивая и пытаюсь определить, что там за прямоугольники на краю моего поля зрения, не упаковки ли бумажных носовых платков. Увы, это были книги. Профессор тем временем говорил о разнице между творческим и академическим письмом. Я продолжала кивать, думая о структурных сходствах книги и упаковки носовых платков: и книга, и упаковка платков – это листы белой бумаги в картонном контейнере; однако функционально – и в этом вся ирония – сходства между ними практически нет, особенно если книга чужая. Эти мысли относились к разряду вещей, о которых я думала постоянно, без особого восторга или пользы. Но о чем следует думать вместо этого – я понятия не имела.

– Как считаете, – продолжал тем временем профессор, – вы сможете два часа подряд читать один и тот же пассаж, одно и то же предложение или даже слово? Не покажется ли вам это утомительным, скучным?

Поскольку мою способность часами сидеть, вперившись в какое-нибудь слово, еще никто никогда прежде не поощрял, я лишь сделала вид, что обдумываю ответ. – Нет, не покажется, – в итоге сказала я.

Профессор кивнул и, прищурившись, задумчиво нахмурился. Недоброе предчувствие подсказывало мне продолжить говорить.

– Мне нравятся слова, – стала объяснять я. – Они вовсе не кажутся мне скучными, – и пять раз чихнула.

Я не прошла. Второе и последнее собеседование, куда меня пригласили, касалось формы в неигровом кино: я подала заявку на этот семинар, поскольку моя мать, всегда мечтавшая стать актрисой, посещала в то время курсы сценаристов и хотела снять документальный фильм о жизни иностранных выпускников-медиков в Америке. Это должен был быть фильм о людях, которые не сдали экзамен комиссии и теперь водят такси или работают в мелких магазинах, а также о тех, кто, как моя мать, сдали все экзамены, но получили исследовательские должности в медицинских школах второго эшелона, где их постоянно теснят люди из Университета

Джонса Хопкинса и Гарварда. Мать часто выражала надежду и веру, что я помогу ей снять этот фильм.

Кинопрофессор был простужен еще больше, чем я. Его простуда казалась подарком, как по волшебству. Мы встретились в одном из цокольных помещений, заполненном мерцающими голубыми экранами. Я рассказала ему о матери, и мы некоторое время вместе чихали. Это – единственный установочный курс, куда меня взяли.

Я отправилась в буфет студенческого центра за диетической колой. Парень передо мной совершал покупку целую вечность. Сначала он хотел холодный чай, но его не оказалось.

– Лимонад есть? – спросил он.

– Есть в банках и в бутылках.

– А марка одна и та же?

– В бутылках «Снэппл», а в банках, э-э-э, «Кантри Тайм».

– Бутылку лимонада и слойку с яблоками.

– С яблоками нету. Есть с сыром или малиной.

– Ясно. А печеная картошка есть?

– Именно печеная?

Это был самый скучный на свете диалог, но я почему-то слушала, не отрываясь. Он продолжался, пока парень, наконец, не собрался уходить, расплатившись за лимонад «Снэппл» и маффин с черникой.

– Извините, что так долго, – сказал парень. Он был довольно симпатичный.

– Ничего, – ответила я.

Он улыбнулся и пошел было к выходу, но вдруг в нерешительности остановился.

– Селин?

– Ральф! – воскликнула я, узнав в нем того самого Ральфа.

С Ральфом мы познакомились прошлым летом на программе для старшеклассников, где ты пять недель живешь в нью-джерсийском домике, изучая североевропейское Возрождение. С ним нас свело то, что учительница по истории искусств на каждой лекции, независимо от темы, непременно упоминала дожа Венеции, которого называла просто «дож». Она могла рассказывать о повседневной жизни дельфтских бургеров, и всё равно там появлялся дож. Похоже, никто, кроме нас двоих, этого не замечал или не находил смешным.

Сейчас, когда мы сидели за своими напитками и его плюшкой, наша беседа казалась мне несколько фантастической: я обнаружила, что совсем забыла, насколько хорошо мы успели познакомиться прошлым летом. Помню, меня восхищал его талант изображать других людей. Еще я поняла, что откуда-то знаю массу информации о его пяти тетках, а это больше, чем обычно знаешь о другом человеке, если вы с ним не близкие друзья. В то же время Ральф в моем сознании почему-то попал в категорию людей, с которыми мне никогда по-настоящему не подружиться: он был слишком привлекательным и искусно выстраивал отношения со взрослыми. Моя мать таких называла по-турецки «семейный мальчик»: аккуратный, учтивый, из тех, кто с готовностью наденет костюм или поддержит беседу с друзьями родителей. Матери Ральф пришелся очень даже по душе.

Мы с Ральфом обсудили наши собеседования на установочные семинары. У Ральфа собеседование проводил нобелевский лауреат по физике, он задал Ральфу единственный вопрос, а потом заставил вымыть какое-то лабораторное оборудование. Возможно, это был детектор гамма-излучения.

* * *

Я подавала заявку на курс под названием «Строительство миров» на отделении студийного искусства. Наша первая встреча с преподавателем, приглашенным художником из Нью-Йорка,

прошла в заставленный пустыми белыми столами студии, куда я принесла портфолио своих школьных работ. Приглашенный художник искоса взглянул мне в лицо.

– Всё-таки сколько вам лет? – спросил он.

– Восемнадцать.

– Господи! У нас же занятия не для первокурсников.

– Ясно. Я ухожу?

– Нет, не глупите. Давайте ваши работы, – он продолжал смотреть не на портфолио, а на меня. – Восемнадцать, – повторил он, качая головой. – В вашем возрасте я закидывался кислотой и прогуливал школу. А летом работал на рыбокомбинате в Секокусе. Секокус, Нью-Джерси, – он посмотрел на меня неодобрительно, словно подозревал меня в невежестве.

– Возможно, в *вашем* возрасте я буду делать то же самое, – предположила я.

– А, ну конечно, – он хихикнул и надел очки. – Ладно, посмотрим, что тут у нас, – не произнося ни слова, он принялся за картинки. Я глядела в окно на двух белок, избегающих по дереву. Одна из них не удержалась и рухнула, рассекая ярусы листвы. Такого я раньше никогда не видела.

– Ну вот смотрите, – наконец произнес приглашенный художник. – Композиция ваших рисунков... ну, нормально. Ведь я могу быть с вами откровенным? Но эти картины кажутся мне... несколько девчоночьими. Понимаете, что я имею в виду?

Я посмотрела на картинки, которые он разложил на столе. Не могу сказать, чтобы я его не понимала.

– Дело в том, – ответила я, – что еще совсем недавно я и была девчонкой.

Он рассмеялся.

– Верно, верно! Что ж, я приму решение к выходным. Я дам знать. А может, и не дам.

* * *

Ханна хотела работать экскурсоводом по кампусу. Я слышала, как по утрам в душе она обворожительным голосом декламирует информацию о Гарварде. Работу она не получила, декламации прекратились, и я обнаружила, что немного по ним скучаю.

С Анжелой мы ходили на ознакомительную встречу в редакцию гарвардской студенческой газеты, где молодой человек с бакенбардами неустанно – и весьма агрессивным тоном – повторял, что гарвардская газета – это вся его жизнь. «Это моя жизнь», – злобно твердил он. Мы с Анжелой переглядывались.

В воскресенье вечером зазвонил телефон. Это был приглашенный художник.

– Ваше эссе вызывает некоторый интерес, – сказал он. – Остальные эссе, на самом деле, большей частью ужасно... скучные. Так что я, собственно, буду рад видеть вас на своих занятиях.

– О, – ответила я. – Хорошо.

– Это означает «да»?

– Простите?

– Вы согласны?

– Можно, я подумаю?

– «Можно, я подумаю»? Вообще-то нельзя. У меня куча других кандидатов, которым я могу позвонить, – сказал он. – Так *что* – да или нет?

– Наверное, да.

– Прекрасно. Увидимся в четверг.

* * *

Я проходила прослушивание в оркестр колледжа. Кабинет дирижера оказался шестиугольной комнатой с эркером, роялем и полками книг: оркестровые партитуры, энциклопедии, тома по истории музыки и музыкальная критика. Никогда не видела, чтобы у музыканта стояло столько книг. Я сыграла подготовленную сонату. Руки не дрожали, акустика была великолепной, а выражение лица у дирижера – добрым и внимательным.

– Славно, – сказал он с какой-то особой интонацией, которую я не смогла истолковать. – Весьма, весьма недурно.

– Спасибо, – ответила я. В следующий понедельник я вернулась на музыкальное отделение взглянуть на расsadку оркестра. Мое имя отсутствовало, его не было даже среди вторых скрипок. Я чувствовала, что меняюсь в лице. Пыталась сдерживаться, но не могла. Да, я понимала, что в Гарварде на скрипке не играет только мертвый – это чуть ли не обязательное условие, – и оркестр не резиновый, от всех этих скрипачей сцена попросту рухнет. Но всё равно – я не могла всерьез представить, что не прохожу.

Я не исповедовала никакой религии, не занималась командным спортом, и оркестр мне поэтому всегда представлялся единственным местом, где я могла быть частью чего-то большего, где могла прилагать усилия и одновременно забывать о себе. Утрата этого чувства далась чрезвычайно болезненно. Да, жить там, где нет вообще никаких оркестров, – это ужасно, но куда хуже – знать, что оркестр-то есть и в нем играет масса людей, но только не ты. Сны об этом мне снились чуть не каждую ночь.

Я больше не брала частных уроков музыки: знакомых учителей в Бостоне у меня не было, а просить еще денег у родителей мне не хотелось. В первые пару месяцев я продолжала ежедневно заниматься одна, в подвале, но потом эти занятия стали казаться делом пустым и неадекватным, оторванным от реальной жизни человечества. Вскоре даже сам запах скрипки – запах клея, или дерева, или чем там пахнет, когда открываешь футляр, – начал нагонять на меня тоску. Просыпаясь в субботу, день музыкальной школы, я по-прежнему порой испытывала нетерпение поскорее пойти туда и играть, но потом возвращалась к реальности.

* * *

Выбрать курс по литературе оказалось непросто. Всё, что говорили профессора, представлялось каким-то неуместным. Я хотела знать, почему Анне Карениной непременно нужно было погибнуть, а тебе рассказывают про то, что русские помещики в девятнадцатом веке не могут решить, европейцы они или нет. Подразумевалось наивным ожидать бесед об интересных вещах или думать, что ты когда-либо узнаешь что-то важное.

Меня не занимали проблемы общества или денежные трудности людей прошлых веков. Мне хотелось узнать, о чем именно говорят книги. Именно так мы с матерью всегда и обсуждали литературу. «Я хочу, чтобы ты тоже это прочла, – говорила она, протягивая мне “Нью-Йоркер” с историей о несчастном в браке мужчине, которому пришлось сделать прививку от бешенства, – и рассказала мне, о чем здесь речь на самом деле».

Я сходила на курс «Лингвистика 101» посмотреть, что там такое. Там говорили о том, что язык – это биологическая способность, жестко встроенная в мозг, – она не имеет пределов, может возобновляться и никогда не остается неизменной. Самый главный, главнее Святого писания, закон – это «интуиция носителя языка», закон, которого нет ни в одном грамматическом учебнике и который нельзя ввести в компьютер. Возможно, это будет мне интересно. Всякий раз, когда мы с матерью беседовали о той или иной книжке и мне приходила в голову

мысль, которая не приходила ей, она с восхищением восклицала: «Вот *ты* говоришь по-английски по-настоящему!»

Профессор лингвистики, благодушный фонетик с легким дефектом речи, специализировался на диалектах тюркских племен. Порой он приводил примеры из турецкого, чтобы показать, как может отличаться морфология в неиндоевропейских языках, а потом он улыбался мне и говорил: «Знаю, среди нас есть говорящие по-турецки». Однажды в коридоре перед занятием он рассказал мне о своей работе, где изучались региональные консонантные вариации названия костровой ямы, вырытой где-то тюрками.

* * *

Я посетила один семинар по литературе на тему «Роман девятнадцатого века и город в России, Англии и Франции». Профессор твердил о несовершенстве опубликованных переводов, зачитывая нам пассажи из французских и русских романов, чтобы показать, насколько это плохо. Я ни слова не понимала из того, что он произносил по-французски и по-русски, так что предпочла переводы.

Худшая часть этого семинара началась в конце, когда профессор начал отвечать на вопросы. Какими бы тупыми и очевидными ни оказывались эти вопросы, они, похоже, до него не доходили. «Не вполне уверен, что понимаю, о чем вы спрашиваете, – говорил он. – Но если вы имеете в виду...» И он принимался говорить о чем-то совсем другом и, как правило, неинтересном. Нередко тот или иной студент всё же проявлял упорство и пытался донести до него смысл изначального вопроса, прибегая к размахиванию руками и другим жестам, – в итоге лицо профессора превратилось в маску раздражения, и он предложил – из уважения к остальной аудитории – продолжить дискуссию в часы его внеклассной работы. Этот коммуникативный провал привел меня в уныние.

* * *

Считалось, что можно выбрать только четыре предмета, но когда я обнаружила возможность взять пятый без дополнительной платы, то записалась на начальный курс русского.

Преподавательница Барбара, аспирантка из Восточной Германии – «из Восточной», подчеркнула она, – рассказала нам о русских именах и отчествах. Поскольку ее отца звали Дитер, ее полным русским именем должно быть Барбара Дитеровна. – Но «Барбара Дитеровна» звучит не совсем по-русски, – объяснила она, – поэтому я называю себя Варварой Дмитриевной, как если бы моего отца звали Дмитрий.

Мы тоже должны были подобрать себе русские имена, но только без отчеств, поскольку не занимали никаких ответственных постов. Грэг стал Гришей, а Кэйти – Катей. Двоим из иностранных студентов имя менять не пришлось – Ивану из Венгрии и Светлане из Сербии. Светлана спросила, можно ли ей взять имя Зинаида, но Варвара сказала, что Светлана – и без того прекрасное русское имя. Мое же, хоть и симпатичное, не оканчивалось ни на –а, ни на –я, и это создало бы сложности, когда мы будем проходить падежи. Варвара разрешила выбрать любое русское имя, какое я захочу. Но ничего не придумывалось.

– Может, тогда я буду Зинаидой? – предложила я.

Светлана повернулась и уставилась на меня.

– Как несправедливо! – сказала она. – Ты – идеальная Зинаида.

Но создалось впечатление, что Варвара не хочет никаких Зинаид, и поэтому, просмотрев страницу с русскими именами, я выбрала Сою.

– Эй, Соня, вот непруха, – позже в лифте посочувствовала мне Светлана. – Думаю, ты куда больше похожа на Зинаиду. Жаль, что *Варвара Дмитриевна* – такая ревностная славянофилка.

– Вы, ребята, реально замучили ее своими «Зинаидами», – сказал Иван, венгр необычайного, невообразимо огромного роста. Мы повернулись и подняли на него глаза. – Я даже волновался, – продолжал он, – что она сейчас наложит на себя руки. Подумал, что для ее немецкого чувства порядка это уже перебор.

Остаток пути в лифте никто не проронил ни слова.

Я впервые тогда столкнулась со стереотипом о «немецком чувстве порядка». Реплика Ивана заставила меня вспомнить непонятную мне шутку из «Анны Карениной», где Облонский говорит о немецком часовщике: «Немец сам был заведен на всю жизнь, чтобы заводить часы». Неужели считается, что немцы всё время действуют упорядоченно и механически? Неужели немцы и *впрямь* упорядочены и механичны? Варвара всегда приходила на занятия заранее и всегда одинаково одета – белая блузка и узкая темная юбка. Она вечно таскала огромную дамскую сумку с неизменными тремя предметами из словаря – бутылка «Столичной», лимон и красный резиновый мышонок, – словно содержимое какого-то унылого холодильника.

Русские занятия были каждый день и вскоре стали восприниматься как процесс интернализации, как нечто повседневное и серьезное, хоть мы и проходили вещи, известные любому ребенку, родившемуся в России. Раз в неделю мы посещали уроки разговорного языка, их вела настоящая русская по имени Ирина Николаевна, она раньше преподавала театральное мастерство в Петербурге, когда тот был еще Ленинградом. Она вечно опаздывала на пару минут, вбежала в класс и принималась живо и эмоционально, без умолку тараторить по-русски. Реакция на непонятную речь у всех была разная. Катя делалась тихой и напуганной. Иван с довольным видом наклонялся вперед. Гриша прищурился и кивал, как бы намекая на проблески понимания. Бородатый докторант Борис виновато рылся в своих записях, словно ему приснился кошмар, где от него ожидали владения русским. Лишь Светлана понимала почти всё, поскольку сербохорватский и русский так похожи.

* * *

Бостонское метро сильно отличается от нью-йоркского: линии называются по цветам, а вагоны чистотой и размерами походят на игрушечные. Но при этом они вовсе не игрушечные, ими пользуются взрослые люди с серьезными лицами. Красная ветка в одну сторону идет до Эйлуайф, а в другую – до Брэйнтри. О таких названиях в Нью-Джерси и не слыхали, там всё называется Риджфилд, Глен-Ридж, Риджвуд или Вудбридж.

Мы с Ральфом поехали на метро в Норт-Энд, в одну известную ему кондитерскую. Там продавали канноли в форме телефонной трубки и «рождественское полено». А еще печенье в форме слоновьих ушей. Ральф заказал хвост омара. А я – плитку немецкого шоколада размером с детское надгробие.

Ральф посещал подготовительные медицинские курсы и ходил на занятия по истории искусств, но подумывал о политологии. Большинство студентов-политологов относятся к социальной группе, которую называют «бегунами в политику». Интересно, куда они деваются после университета. Становятся нашими правителями? И Ральф войдет в их число? Или он уже, некоторым образом, один из них? Но для этого у него многовато юмора и маловато интереса к войнам. Хотя в чем-то Ральф и *впрямь* – типичный американец, он просто одержим семейством Кеннеди. Постоянно изображает Джека и Джеки с их тягучими, глупыми интонациями шестидесятых.

– Я в восторге от кампании, миссис Кеннеди, – говорил Ральф, глядя вдаль с тревожным, озадаченным выражением лица. К тому времени он уже подал заявку на стажировку в Библиотеке-музее Джона Кеннеди.

* * *

В «Строительстве миров» занятия проходили по четвергам, один час до обеда и три – после. До обеда приглашенный художник Гэри читал лекцию со слайдами, вышагивая по кабинету и с убывающей дружелюбностью давая указания своей ассистентке, молчаливой готичной девушке по имени Ребекка.

В первый день мы разглядывали жанровые сцены. На одной картинке мускулистые мужчины с голым торсом циклевали пол. На другой – горбились на желтом поле сборщики колошесов. Потом – кадр из фильма, где в театральной ложе сидели люди в вечерних нарядах, а дальше – карикатурный рисунок с множеством гротескных мужчин и женщин на коктейле, хитро поглядывающих поверх бокалов.

– Насколько *хорошо* вам знакомо это мероприятие? – выдохнул Гэри, подпрыгивая на цыпочках. – Вы смотрите и думаете: я *знаю* эту сцену, я там был, на этом чертовом коктейле. А если еще не были, то непременно побываете. Гарантирую, когда-нибудь вы там очутитесь. Потому что все вы стремитесь к успеху, а это – единственный к нему путь... *Селин* мне не верит, но однажды поверит.

Я вздрогнула. Вся вечеринка в миниатюре отражалась у Гэри в очках.

– Нет-нет, я верю, – сказала я.

Гэри усмехнулся.

– Это что, искренность? Да, надеюсь, верите, поскольку настанет день, и вы будете знать эту сцену назубок. Будете знать о них, обо всех до единого – что они говорят, едят, думают. – В его устах это звучало, как проклятье. – Власть, секс, секс *как* власть. Всё это – прямо здесь. – Он постучал по желчной физиономии мужчины, который в одной руке держал бокал мартини, а другой – играл на пианино. Я решила, что Гэри неправ и что едва ли я познакомлюсь с этим человеком. К моменту моего алкогольного совершеннолетия его уже, вероятно, и в живых-то не будет.

Следующий слайд был цветной фотографией женщины, подводящей губы за туалетным столиком. Снимали сзади, но ее лицо отражалось в зеркале.

– Макияж, подготовка себя для презентации на приеме или шоу, – говорил Гэри нарраспев. – Взгляните на ее лицо. *Взгляните*. Разве у нее счастливый вид?

Последовало долгое молчание.

– Нет, – в тон ему произнес один студент, тощий бритоголовый парень с предпоследнего курса – то ли его в самом деле звали Хэм², то ли так звучало на слух.

– Благодарю. У нее *несчастливый* вид. Я рассматриваю эту картинку не как портрет, а, скорее, как жанровую сцену, поскольку то, что мы видим, – это обобщенная ситуация: что стоит на кону, когда создаешь себя.

На следующем слайде была гравюра: театр со стороны сцены, некрашенные задники, силуэты трех актеров и огромное черное пространство за рампой.

– Фальшь, – выпалил Гэри, словно в припадке. – Рамки. Кто выбирает, что нам смотреть? – он принялся рассказывать, как музеи, которые мы считаем воротами к искусству, на самом деле – главные агенты, скрывающие искусство от публики. У каждого музея – в десять, в двадцать, в сотню раз больше картин, чем мы видим в залах. Хранитель музея – это такое Сверх-Я, скрывающее 99 процентов мыслей в темноте за дверью с табличкой «Посторонним

² Ветчина (англ.).

вход воспрещен». Хранитель имеет власть сотворить художника или разрушить его – *су*-прессировать или *ре*-прессировать человека всю его жизнь. По мере рассказа Гэри всё сильнее злился и распался.

– У вас есть гарвардские студенческие билеты. С ними вы можете попасть куда угодно. Почему вы ими не пользуетесь? Почему вы не пойдете в Музей Фогга, в Музей сравнительной зоологии, в «Стеклянные цветы», не потребуете показать то, что они прячут? По студенческому билету они обязаны вам показать. Они должны впустить вас внутрь, понимаете?

– Пойдем! – воскликнул Хэм.

– А вы хотите? Вы и впрямь хотите? – спросил Гэри.

Настало время обеда. Мы решили после перерыва отправиться в эти музеи и потребовать показать нам всё, что они прячут.

* * *

Будучи единственным первокурсником в группе, в столовую для первого курса я пошла в одиночестве. На облицованных панелями стенах висели портреты стариков. Высоченный потолок был едва виден, хотя если напрячься, на нем различались бледные пятна – вероятно, сливочное масло, которое еще в двадцатые годы забрасывали туда резвые магистранты. Я подумала: вот ведь уроды. Свет поступал из маленьких окошек высоко в стене и от нескольких массивных люстр с рогами. Когда перегорала лампочка, рабочему приходилось лезть по двухъярусной стремянке и дотягиваться до нужного патрона, отмахиваясь и уклоняясь от рогов, норовивших его боднуть.

Добыв себе сэндвич с фалафелем и выйдя из очереди, я заметила Светлану из нашей группы по русскому, она сидела у окна с открытым блокнотом.

– Соня, привет! – крикнула она. – Как раз хотела с тобой поговорить. Ты же ходишь на лингвистику, да?

– Как ты узнала? – я подвинула стул и села напротив.

– На прошлой неделе заходила на занятие. Видела тебя там.

– А я тебя – нет.

– Я пришла раньше времени и обратила внимание, когда ты вошла. У тебя очень заметная внешность. В буквальном смысле. Конечно, ты высокая, но дело не в росте. – Я и в самом деле выше из всех ныне живущих членов моей семьи обоего пола. Двоюродные родственники говорят, что я так вытянулась благодаря американской пище и праздной жизни. – У тебя очень необычное лицо. Знаешь, я тоже подумываю о лингвистике. Как она, расскажи?

– Нормально, – ответила я и рассказала о вырытой тюрками костровой яме, о том, как вместе с эпохой и географией меняются гласные, и о том, что у фонетика – дефект речи.

– Как *интересно!* – Ударение на слове «интересно» было почти плотоядным. – Уверена, это куда *интереснее*, чем «Психология 101», но, понимаешь, занятия психологией для меня практически неизбежны, поскольку мой отец – психоаналитик. Юнгианец, очень крутой. Он основал единственный в Сербии серьезный журнал по психоанализу. Потом два его пациента сделались лидерами оппозиции, и партия стала до него докапываться. Чтобы отдал записи разговоров. Разумеется, на него и без того точили зуб.

Я обдумывала услышанное, пытаюсь удержать фалафель внутри сэндвича.

– Так им удалось получить записи?

– Нет, никаких записей не существовало. У отца фотографическая память, и записи он никогда не вел. А я наоборот – настоящая графоманка. И это очень грустно. Только взгляни на мои заметки, а ведь всего только вторая неделя пошла. – Светлана пролистнула блокнот, демонстрируя страницы, исписанные с обеих сторон мелким витиеватым почерком. Она взяла вилку и вдумчиво зачерпнула солидную порцию салата.

– Нашу квартиру обыскивали солдаты, – рассказывала она, – искали воображаемые записи. Они пришли в одиннадцать вечера, в форме, с ружьями, и разгромили всю квартиру – даже мою комнату и комнаты брата и сестер. Они вывернули на пол коробку с нашими игрушками. У меня была новая *кукла*, и *кукла* сломалась.

– Ужасно! – сказала я.

– Если потянуть за шнурок, она произносила «мама», – продолжала Светлана. – Когда ее швырнули на пол, она всё повторяла: «Мама», «Мама», – пока ее не пнули. В отцовском кабинете они выпотрошили страницы из книг, разорвали все до единого листы бумаги, разворотили стену. В ванной выколупали кафель. В кухне они высыпали из банок муку, сахар, чай – всё искали записи. Младший брат укусил одного из них, и его ударили в зубы. Они забрали кассеты, все до единой. Все мои альбомы U2. Я плакала без удержу. А мать была так зла на отца. – Светлана вздохнула. – Даже не верится, – сказала она. – Мы впервые по-настоящему беседуем, а я уже нагрозила тебя своим эмоциональным багажом. Хватит – расскажи о себе. Ты собираешься специализироваться на лингвистике?

– Еще не решила. Возможно, займусь искусством.

– О, ты художник? У меня мать – художница. Вернее, была. Потом стала архитектором, потом – дизайнером, а сейчас она спятила и, по существу, нигде не работает. Ну вот, я снова со своей родней. А ты ходишь на какие-нибудь занятия по искусству?

Я рассказала о «Строительстве миров» – о слайдах, о том, как музеи прячут от людей всякие вещи, и как наша группа, похоже, собирается устроить что-то вроде налета.

– У меня никогда не хватило бы смелости выбрать такой курс, – сказала она. – В академическом плане я очень традиционна – это тоже от отца. Он с пяти лет говорил мне, какие книги читать, и я так их и читаю. Ты, наверное, думаешь, что я ужасно скучная.

– Ты тоже хочешь стать психоаналитиком?

– Нет, я хочу изучать Иосифа Бродского. Поэтому и выбрала курс по русскому. Кстати, у меня плохие новости – мы больше не будем вместе заниматься. Мне пришлось перевестись в другую секцию из-за психологии.

– Жаль.

– Знаю, мне очень нравилось начинать утро с этих занятий. Но не волнуйся. Кажется, мы живем в одном здании. Ты же в «Мэтьюсе», да? Я на четвертом этаже. Думаю, мы будем часто встречаться.

Я была тронута и польщена уверенностью в ее голосе. Я записала ее телефон на руке, а она мой – у себя в ежедневнике. Уже в тот момент я проявила себя как импульсивная сторона в нашей дружбе, как человек, которого мало заботят традиции и личная безопасность, который каждую ситуацию оценивает с чистого листа, словно она возникает впервые, – в то время как Светлана была тем, кто придерживается правил и систем, кто всё записывает в куда следует и полагает себя наследником многовековой человеческой истории, человеческих обязательств. Уже тогда мы стали сравнивать, чей способ лучше. Но это было не соревнование, а, скорее, эксперимент, поскольку ни она, ни я не смогли бы вести себя иначе – и мы обе чувствовали друг к другу восхищение, смешанное с жалостью.

* * *

Вторая часть «Строительства миров» прошла в Музее естественной истории, где мы увидели пару фазанов, принадлежавших Джорджу Вашингтону, одну из черепашек Торо и «примерно миллион муравьев», о которых сообщалось, что это – «любимые муравьи Э. О. Уилсона». Меня впечатлила способность Э. О. Уилсона выделить из почти бесконечного мира муравьев миллион любимчиков. Еще мы видели крокодилий череп, который считается самым большим из

всех хранящихся в музеях черепов ныне живущих крокодилий видов. Когда у этого крокодила вскрыли желудок, там обнаружили лошадь и 150 фунтов камней.

В течение часа мы донимали людей у стойки на входе, толпясь вокруг, пока они совершали телефонные звонки, и наконец появился человек, который повел нас в заднюю комнату с невыставленными экспонатами. Там была траченная молью новозеландская диорама – гипсовый лужок, усыпанный ветхими фигурами овечек, страус эму и птичка киви.

– Мы обычно проводим дезинфекцию и латаем акрилом, – рассказал нам музейный работник.

– Акрилом? А почему не шерстью? – спросил Гэри.

– Ну, мы сначала пробовали шерсть, но акрил лучше держит.

– Вот видите? – строго спросил Гэри, повернувшись к группе. – Видите эту фальшь?

Нам попала масса разбитых гипсовых индейцев. Школьные группы нередко пытались вступить с ними в бой.

– Вот что прячут от нас хранители, – заметил Хэм, указывая на бизона, чья набивка вываливалась из нутра.

Гэри грустно усмехнулся.

– Думаешь, в «Уитни» или в «Мете» всё не так? Я тебе, парень, вот что скажу: в задней комнате всегда полно крови и кишок – в той или иной форме.

* * *

Вне занятий я из своих знакомых чаще всего виделась с Ральфом. Его общежитие стояло прямо напротив моего. Сосед Ральфа, индеец Айра – сокращенное от «Айрон Дог», «Железный пес», – и в самом деле много гладил, причем рано поутру³. В остальном же он был превосходный сосед – добрый, вежливый, он почти всё время проводил у своей девушки старше него, которая училась на юридическом, и лишь иногда появлялся на заре – погладить рубашки.

Однажды вечером, когда Айра был на юридическом, я пришла к Ральфу позаниматься. Ральф читал «Записки федералиста», а я – «Нину в Сибири», русский текст, написанный специально для начинающих. Первая часть называлась «Письмо».

Письмо

Дверь открыл отец Ивана.

– Кто там?

– Доброе утро, Алексей Алексеевич, – сказала Нина. – Иван дома?

Отец Ивана не ответил. Он просто стоял и смотрел на нее.

– Извините, – сказала Нина и повторила вопрос. – Иван дома?

– Почему мы никогда его не понимали? – очень медленно спросил отец Ивана.

– Простите, но я не понимаю вас, – сказала Нина. – Где Иван?

– Бог его знает, – ответил отец Ивана. Он вздохнул. – Ты знаешь, где его комната. Там на столе письмо.

В комнате Ивана что-то было не так. Окно открыто. Стул перевернут на бок. Фотография Нины лежит на столе. Рамка разбита.

– Моя фотография! – Нина взяла письмо, вскрыла его и прочла.

Нина!

³ Iron в английском языке означает не только «железо», «железный», но и «утюг», «гладить вещи утюгом».

Когда ты получишь это письмо, я буду в Сибири. Я бросаю диссертацию, потому что физика элементарных частиц меня больше не интересует. Я буду жить и работать в Новосибирске, в колхозе «Сибирская искра», где живет мой дядя. Думаю, так будет лучше. Знаю, что ты меня поймешь. Пожалуйста, прости меня. Я никогда тебя не забуду.

Твой Иван

Нина посмотрела на отца Ивана. – Что это? – спросила она. – Это шутка? Я знаю Ивана, и знаю, что он хочет закончить диссертацию. Как он мог бросить физику? Он пишет, что я пойму его, но я не понимаю.

Отец Ивана тоже прочел письмо.

– Да, – сказал он.

– Думаете, он написал это письмо серьезно?

– Бог его знает.

– Но если Иван действительно в Сибири, мы должны его найти.

Отец Ивана посмотрел на нее.

– Разве вы не хотите найти своего сына? – спросила Нина.

Отец Ивана промолчал.

– До свидания, – сказала Нина. – Мне пора.

Отец Ивана не ответил.

* * *

Рассказ был написан изобретательно, в нем использовалась только грамматика, которую мы уже прошли. Поскольку дательный падеж мы еще не учили, отец Ивана, вместо того, чтобы вручить *Нине* письмо, просто говорил: «Там на столе письмо». Глаголы движения тоже нам были еще не известны, и поэтому никто из персонажей не мог сказать «Иван уехал в Сибирь». Вместо этого Иван писал: «Когда ты получишь это письмо, я буду в Сибири».

Рассказ создавал ощущение неестественности, но при этом, читая, ты полностью погружался в его мир – тот мир, где реальность зеркально отражает грамматические ограничения и где не существует того, чего мы пока не прошли учебном курсе. В нем нет понятий «уехал» или «послал», никаких намерений или причинных связей – лишь необъясненные появления и исчезновения.

Я поймала себя на том, что читаю и перечитываю Иваново письмо, словно он написал его мне; я пыталась понять, где он теперь, безразлична я ему или нет?

* * *

На занятии по неигровому кино мы смотрели «Человека из Арана», немой фильм тридцатых годов, где действие происходит на каком-то ирландском острове. Сначала женщина качала ребенка в колыбели. Это длилось довольно долго. В следующем кадре мужчина загарпунил кита, а потом принялся что-то скрести ножом. «Делает мыло», – говорилось в интертитрах. В итоге мужчина с женщиной роют палками землю: «Людам в Аране приходится выращивать картофель в суровой почве».

Столь скучного фильма я в жизни не видела. Я прожевала девять резинок подряд – напомнить себе, что еще жива. Парень передо мной уснул и захрапел. Но профессор этого не заметил, поскольку через тридцать минут после начала вышел из зала. «Я смотрел уже несколько раз», – сказал он.

В классе профессор рассказал нам, что к моменту съемок аранские жители уже пятьдесят лет как перестали ходить на кита с гарпуном. Чтобы запечатлеть на пленке эту древнюю профессию, режиссер привез гарпун из Британского музея и показал островитянам, как им пользоваться.

– Теперь, когда мы это знаем, – спросил профессор, – можем ли мы по праву считать фильм неигровым? – Нам предстояло обсуждать этот вопрос в течение часа. Не может быть! Неужели в *этом* состоит разница между вымыслом и документальностью? Неужели именно это должно нас заботить? Меня больше волновали вопросы, насколько добр профессор и нравимся ли мы ему. «Забавно, что вы полагаете, будто здесь существует – или вообще может существовать – верный или неверный ответ», – мягко заметил он одному студенту. В конце занятия другой студент сказал, что ему нужно съездить в Прагу к брату и поэтому придется пропустить следующий урок.

– Но, наверное, на пленку записать нельзя, да? – спросил он.

– Это абсолютно бесполезно, – дружелюбно ответил профессор. – Вам не кажется?

* * *

В четверг на занятия по разговорному русскому я пришла раньше времени. В классе сидел только Иван, тот венгерский парень. Он читал книгу с иностранным названием, но знакомой обложкой: две руки подбрасывают в воздух шляпу-котелок.

– «Невыносимая легкость бытия»? – спросила я.

Он опустил книжку. – Как ты узнала?

– У английского издания такая же обложка.

– Ясно. Я уже решил, что ты читаешь по-венгерски.

Он спросил, понравилась ли мне книга на английском. Соврать или нет?

– Нет, – ответила я. – Может, перечитаю.

– Ага, – сказал Иван. – Значит, у тебя *так* заведено?

– Что заведено?

– Ты читаешь книжку, она тебе не нравится, и ты ее перечитываешь.

Постепенно подтянулись и другие студенты, а следом – преподавательница Ирина, на чьем свитере была вышита целая центральноамериканская деревня: крошечные кукольные женщины с дредами на головах, ослики с дредами в гривах, кактусы с колючками из желтой нити. Свои белоснежные волосы – это был их естественный цвет – она закрутила «французским узлом», а выражение ее темных, ярких, горящих глаз, похоже, осталось таким же, как в детстве.

Она тут же принялась раздавать указания, которых никто не понимал: одним она велела сидеть, а другим – стоять. В итоге до нас дошло, что мы сейчас по очереди будем разыгрывать «Нину в Сибири». Девочки изображали Нину, а мальчики – Иванова отца.

Мне в партнеры достался Борис – тот самый, что вечно ходил с видом, будто недавно очухался от кошмара, – как выяснилось, русский ему нужен, чтобы в архивах изучать погромы. Он не знал ни единой строчки. Стоя передо мной, он должен был сказать: «Почему мы никогда его не понимали?»

– Расскажи мне об Иване, – подсказала я. – Мы его понимали?

– О Иван, – откликнулся он. – О мой сынок.

Потом тот же сценарий я должна была повторить с Иваном, который всё знал и пере-сказал как надо. В детстве, за «железным занавесом», он целый год учил русский. Позднее я вспомнила, что на мою реплику «Думаете, он написал это письмо серьезно?» он – вместо положенного «Бог его знает» – ответил: «Да, думаю, что серьезно».

* * *

По лингвистике нам задали на дом спросить у двух носителей английского из разных регионов, как они употребляют слова *dinner* и *supper*⁴. Ханна, выросшая в Сент-Луисе, считала, что *supper* едят позже и он носит более официальный характер. Анжела была родом из Филадельфии, она полагала, что *dinner* – это когда вся семья, нарядно одетая, вместе собирается за столом.

– Мы вообще так не говорим, – сказала Ханна.

– А как у вас называется большая трапеза по выходным?

– Не знаю. Застолье.

«Застолье», записала я.

– Нет, не застолье, – сказала Ханна. – Напиши «семейный обед».

Анжела с Ханной стали спорить, что официальнее – обед в День благодарения или Тайная вечеря⁵. Они принялись обсуждать разницу между *supper* и легким перекусом. Ханна заявила, что всё зависит от того, горячая пища или нет.

– Я так не считаю, – сказала Анжела. – С моей точки зрения, – она продолжала, словно читает по справочнику, – *supper* – это когда ты можешь сесть и расслабиться. Если ешь второпях и стоя, то это – перекус.

– Даже если ешь лазанью?

– Я не ем лазанью.

– Ты понимаешь, о чем я.

– Если ешь стоя между занятиями, то ты «перекусываешь».

– Это просто чтобы вызвать *жалость*, – сказала Ханна после паузы. – Чтобы потом сказать: «Ох, я работал и не успел даже съесть свой *supper*. Только слегка перекусил». Ну что там еще? – заорала она. – К нам уже минут десять кто-то ломится.

Дверь открылась, и вошла Светлана.

– Вы что, спите?

– Нет, я как раз собиралась выйти, – сказала я. – Спасибо за помощь, – обратилась я к Ханне с Анжелой. За что я больше всего люблю колледж – там всегда легко уйти. Ты сидишь у себя в комнате, участвуешь в споре, который сам же и затеял, а потом просто говоришь «пока!» и куда-нибудь сваливаешь.

Натягивая куртку, я обвела взглядом комнату, пытаюсь увидеть ее глазами Светланы. Стены по-прежнему стояли практически голыми, если не считать Эйнштейна, гарвардского флажка Анжелы и пары сертификатов, распечатанных Ханной на принтере. В частности, она выдала самой себе «награду за прокрастинацию». Мне она тогда же вручила грамоту как «лучшей соседке»: помню, я ощутила печаль – оттого, что Ханна так сильно хотела, чтобы ее любили, и к тому же эта грамота могла обидеть Анжелу. В общем, я не стала ее вешать.

Светлана хотела, чтобы мы сочинили комикс, где было бы полно порочности и декаданса. Мы отправились в магазин CVS и купили плотную бумагу, клей, маркеры и журнал «Вог».

– Еще мне кажется, у моей соседки ларингит, – сказала Светлана, бросая в корзинку пачку лечебного чая. – То ли ларингит, то ли она не хочет с нами разговаривать. Но ей нужно учиться социализации.

Всё сказанное Светланой произвело на меня сильное впечатление: уверенность в своем желании написать историю о порочных людях, четкое представление, как должна себя вести соседка, и концепция чая, который стимулирует социализацию.

⁴ Ужин, семейный обед (англ.). *Supper* (англ.) – ужин, второй легкий ужин.

⁵ Thanksgiving Dinner и Last Supper, соответственно (англ.).

Мы встали в кассу. Когда я вынула брелок-кошелек, Светлана остановила мою руку и сказала, что заплатит.

– У моей семьи куча денег, – объяснила она. Я не поняла, что имеется в виду. Ведь у нас, вроде, у всех куча денег. Я мелочью отсчитала ровно половину общей суммы, кроме чая от ларингита.

– Ну, если ты настаиваешь, хоть это и глупо. – Светлана положила мои деньги в карман и расплатилась кредиткой.

У Светланы в общей комнате я увидела марокканский ковер, два больших красных кресла-мешка, постер группы R.E.M., постер Климта, постер Анселя Адамса и полки, уставленные дорогими музейными каталогами и книгами по искусству. У окна в горшках росло несколько деревьев, а один из трех столов был почти полностью уставлен растениями помельче – бледные, замкнутые в себе почки, мрачный зеленый мох, загадочные суккуленты в пластиковых стаканчиках. На полу с паяльником в руке сидела одна из самых тощих девушек, каких мне доводилось встречать. Это была Валери, соседка Светланы, она собирала радиоприемник.

– Как там Ферн? – спросила Светлана.

– Всё то же самое. – Она плечом указала на одну из спален. Там на верхней полке двухъярусной кровати я заметила армейский спальник, из которого торчала копна кудрявых волос.

– Ферн! Ты спишь? – крикнула Светлана. – Копна кивнула. – Я тут принесла тебе какой-то чай. Ты же не можешь ходить всё время и молчать, даже если не в настроении, – она наполнила белый электрочайник и высыпала пакет чайного порошка в пластиковую кружку в форме ананаса. – Ферн, это моя подруга Селин.

– Привет! – сказала я.

Ответа не последовало.

– Она утверждает, что не умеет разговаривать, – сказала мне Светлана. – Она ботаник, ее зовут Фернанда, а называют ее, разумеется, Ферн⁶. Ей идет это имя, ведь папоротники – такие загадочные, они как бы эфемерные, могут жить где угодно. Знаешь, есть папоротники древнее динозавров, им сотни миллионов лет. Некоторым из них даже почва не нужна, чтобы расти. В славянском фольклоре семя папоротника может сделать тебя невидимым. Разумеется, папоротникам на самом деле никакое семя не нужно, – она не понизила голос, несмотря на то, что Ферн лежала в соседней комнате, всего в паре футов. Светлана залила в чашку кипяток и размешала столовой ложкой.

– Ну и запах! – сказала Валери. – Бедная Ферн.

Светлана понесла чашку в спальню и протянула ее к верхней полке. Бугорчатый спальник поменял форму и явил свету круглое лицо с огромными глазами.

– Спасибо, – произнесла Ферн без особой благодарности в голосе.

– Пей, – безучастно сказала Светлана и вернулась ко мне в общую комнату. – Пойдем, не будем мешать Валери.

* * *

Спальня Светланы была ярко освещена, там находились лавовая лампа, стереосистема, полка, забитая книгами и компакт-дисками, и постер Эдварда Гори с оравой викторианских детишек, которые принимали кошмарную смерть. На кровати сидел плюшевый армадил. Я спросила у Светланы, как они с соседками разобрались насчет одиночной комнаты и будут ли устраивать ротацию. Она вздохнула.

– Вышло неловко. Вал и Ферн *хотели*, чтобы комната меняла хозяина, но я сказала, что это лишняя головная боль, и убедила их тянуть спички. Ну и что ты думаешь – эту комнату

⁶ Папоротник (англ.).

вытянула я, словно так и планировала. Хотя, честно говоря, я порой думаю, так оно и лучше. Валери такая славная, и ей, похоже, наплевать, есть ли у нее своя комната, а Ферн – не такая одиночка, как может показаться. На самом деле ей нужны стабильность и много внимания, поэтому Валери для нее – идеальная соседка. Знаю, это прозвучит ужасно, но мне, в некотором роде, кажется, что я – сложнее, чем они. Просто одни люди сложнее других. Как считаешь?

– Наверное, – ответила я.

– И уединение им важнее.

Затем Светлана принялась за рассказ о семейных корнях соседок, словно они были книжными персонажами. Родители Ферн, несмотря на то что ей дали полную стипендию, хотели, чтобы она работала у них в лавке, а не уезжала в Гарвард. Предполагалось, что отец Ферн звонить ей не будет, но он всё равно иногда звонит и просит денег, которые она зарабатывает мытьем посуды в Матере⁷: а там живут спортсмены, они поглощают пищу в диких количествах и делают при этом всякую гадость вроде смеси кетчупа с яблочным соусом, а бедным работающим студентам потом всё это отмывают.

Валери – самый легкий человек на свете, но у нее большая тема – брат, он всего на два года старше, но уже учится в математической магистратуре. В пятнадцать лет он решил пару криптографических задач, и его приняли в ЦРУ.

– Представь, как ей сложно, – рассказывала Светлана. – Валери – суперумница, но у нее нет выдающихся способностей в какой-либо конкретной сфере, и она не знает, куда себя приложить. Заняться математикой означает соперничать с братом. Но с другой стороны, математику она считает единственной строгой дисциплиной, единственным предметом, достойным изучения. Как ей выделиться на фоне брата, если она может мерить себя только по его меркам? Сейчас она в группе отличников по физике, куда берут только самых продвинутых первокурсников. Из двадцати пяти студентов в группе она, наверное, в первой тройке: и нет чтобы гордиться этим – ей неуютно даже быть в одной лиге с остальными. Ведь ее брат на первом курсе уже ходил на магистрантские занятия.

* * *

Книжка, которую Светлана хотела писать вместе со мной, была посвящена сексуальной инициации несостоявшегося русского автоугонщика в Париже. Персонажа звали Игорь, и он обладал внешностью парня, сидящего на камне в рекламе одеколона из «Вога». Светлана вырезала фигуру парня, наклеила ее на лист бумаги и с твердой уверенностью дорисовала остальную картину, нимало не колеблясь по поводу деталей.

– Я рисую как в детском саду, так что не смейся, – сказала она. Игорь сидел на голом матрасе под голой свисающей лампочкой. Возле таза, где он отмачивал ноги, стояли пепельница, дисковый телефон и пустые бутылки. Позади в дверном проеме виднелся унитаз с поднятым стульчаком и сливным бачком с цепочкой.

Игорь грустил, – писала Светлана. – Уже две недели он жил на сэндвичах с горчицей. Горчицу он украл со столика в кафе.

– Ого, – сказала я. – И в таком состоянии у него намечается сексуальная инициация?

Светлана кивнула.

– Такие вещи случаются, когда меньше всего ждешь. – *В ту ночь он докурил последнюю сигарету и допил последнюю водку, оставленную бывшей подружкой,* – добавила она в текст.

– У него подружка?

⁷ Корпус Матера – одно из зданий в Гарвардском комплексе.

– Да, но она почему-то не стала с ним спать. А потом бросила. Она была у него единственным другом в Париже, а теперь ушла. Поэтому, когда в тот вечер зазвонил телефон, он был уверен, что ошиблись номером. Но всё равно снял трубку.

Звонила таинственная девушка, она назначила ему встречу в клубе «Зодиак». Игорь отправился в «Зодиак», сел у стойки и заказал пиво. Единственная девушка в клубе потягивала зеленый коктейль и не обращала на Игоря никакого внимания. Он немного подождал, но никто так и не появился. И он пригласил девушку на танец.

Мне нельзя ни с кем танцевать, – сказала она, – потому что я – дочь Гитлера.

В полдвенадцатого, столь же внезапно, как она появилась в моей комнате, Светлана сказала, что ей пора ложиться.

– Я вроде как стараюсь ложиться вовремя, – сказала она, вставая.

В общей комнате радиоприемник Валери транслировал помехи. Но он работал!

– Ну вот, почти и всё, – сказала она. – Я вожусь с ним с десяти утра, – она что-то сделала с проводом и поймала в эфире человеческий голос.

– Само собой разумеется, – произнес он, – в Евангелиях мне стыдиться *ничего*.

* * *

Программа курса «Строительство миров» представляла собой список любимых книг и фильмов Гэри, без всяких заданий и сроков. Мы просто должны были читать книжки, смотреть картины и обсуждать их на занятиях. Обсуждения обычно не клеились, поскольку из списка каждый выбирал свое.

– Ну что, мне давать вам домашние задания, как детям? – строго спросил Гэри, когда в очередной раз выяснилось, что в аудитории нет двух студентов, которые прочли бы или посмотрели одно и то же. – Прекрасно. Тогда все читайте «Наоборот»⁸.

Поначалу я восприняла задание с энтузиазмом, поскольку Гэри сказал, что герой этого романа решил жить, предпочтя этическим принципам принципы эстетические, а как раз недавно Светлана говорила, что я живу в соответствии с эстетическими принципами, в то время как она, человек, выросший на западной философии, обречена скучно руководствоваться этикой. Раньше мне никогда не приходило в голову противопоставлять этику эстетике. Я полагала, что этика *эстетична*. Под «этикой» подразумевается золотое правило, которое, по существу, можно считать правилом эстетическим. Потому оно и называется «золотым», как «золотое сечение».

– Воровать и жульничать некрасиво, разве не потому мы себя так не ведем? – сказала я. Светлана ответила, что впервые в жизни видит столь сильную эстетическую восприимчивость.

Я надеялась, что «Наоборот» окажется книгой о человеке, с которым у нас одинаковый взгляд на вещи и который старается вести жизнь, не запятнанную леностью, трусостью и соглашательством. Но я ошибалась, этот роман касался, скорее, вопросов интерьера. В моменты, свободные от попыток проникнуть в субрациональные глубины обивки, главный герой посвящал себя блюдам из черных ингредиентов, черепашке, инкрустированной драгоценными камнями, и мыслям вроде «Всё вокруг – сифилис». Какое отношение *это* имеет к эстетике?

* * *

На литературе мы начали Бальзака. В отличие от Диккенса, с которым его иногда сравнивают, Бальзак был абсолютно безразличен к детям и серьезен по своей природе. Дети не играли

⁸ «Наоборот» (1884) – роман французского писателя-натуралиста Жориса-Карла Гюисманса, герой которого презирает буржуазную жизнь и пытается найти уединение в созданном им художественном мире.

для него никакой роли, в его мире они вообще практически отсутствовали. Он относился к ним с пренебрежением, и даже с презрением; конечно, он порой мог быть остроумен, но это вовсе не то остроумие, которое имеют в виду, когда говорят о Диккенсе. Во время лекции я вдруг почувствовала легкую обиду. Мне показалось, что Бальзак и ко мне стал бы относиться с пренебрежением и презрением. Не то чтобы я считала себя ребенком, а просто у меня за душой нет никакой истории или чего-нибудь в этом роде. С другой стороны, меня захватывала мысль, что существует целая вселенная, целый *monde* (профессор повторял это слово раздражающе часто), полностью отличный от мира, в котором я жила до сих пор.

Телефонный номер

Нина думала об Иване всю неделю.

На лекции по физике: «Почему он не позвонил?»

В трамвае: «Почему Сибирь? Почему он ничего мне не сказал?»

В лаборатории: «Он скоро позвонит и всё объяснит».

Прошло две недели. Иван не звонил. Нина читала и перечитывала его письмо.

Нина снова постучала в дверь Ивановой квартиры. Долго никто не откликнулся. «Кто там?» – наконец сказал отец Ивана.

– Это снова я, Нина.

Отец Ивана медленно открыл дверь.

– Алексей Алексеевич, я должна найти Ивана, – сказала Нина. – Как вы думаете, где он? Он может быть у матери, как вы считаете?

Отец Ивана вздохнул.

– В письме Иван говорит, что он – у моего брата.

– А вы можете позвонить брату и узнать?

– Это невозможно, – ответил отец Ивана.

– Пожалуйста, Алексей Алексеевич. Мне нужна ваша помощь.

Он медленно взял ручку с бумагой и написал номер.

– Вот номер, – сказал он. – Пожалуйста, больше не приходи.

Нина взяла листок и положила его в сумку.

– Спасибо! – сказала она.

После ее ухода Алексей Алексеевич еще долго стоял и смотрел в окно. «Снова брат, – с горечью думал он. – Сначала жена, а теперь – сын...»

Дома Нина набрала номер, который ей дал отец Ивана.

Ответил женский голос: – Институт космофизических исследований и аэронауки.

Нина была очень удивлена и ничего не говорила.

– Алло! Алло! – сказала женщина. – Вы еще здесь?

– Извините, – сказала Нина. – А это не колхоз «Сибирская искра»?

– Нет. Это Институт космофизических исследований Якутского научного центра Сибирского отделения Академии наук.

– Я ищу Ивана Алексеевича Бажанова, молодого физика. В вашей лаборатории такой есть?

Последовала пауза.

– Мне незнакомо это имя, – ответила женщина и повесила трубку, не попрощавшись.

* * *

Мы занимались чтением в комнате Ральфа. Он читал «Кентерберийские рассказы». По какой-то причине он испытывал настоятельную необходимость закончить книгу именно в этот раз. Я читала вторую часть истории про Нину. Потом мы отправились в видеопрокат. Было поздно, и всё, что мы хотели посмотреть, уже успели разобрать. В итоге мы выбрали иностранный фильм под названием «Подарок». На коробке – фотография завернутой в подарочную упаковку женщины, ее лицо скрывает шарф, а руки – связаны огромным красным бантом: «Трогательная история о женщине-инвалиде, которая дарит своему мужу на годовщину неожиданный подарок – другую женщину!»

Мы вернулись в кампус и нашли в подвальном этаже пустую комнату с видеоплее-ром. Картина оказалась язвительной сатирой на британское здравоохранение с позиции пожилой йоркширской пары «синих воротничков». Жена оказалась в инвалидной коляске из-за «ошибки хирурга». В течение двух с половиной часов муж возил ее по грязи к разным врачам, а она всё время отпускала остроты, которые мы не понимали из-за акцента. Подарком на годовщину оказался металлический спинной корсет. И никаких других женщин.

* * *

Мы со Светланой отправились на метро в Бруклайн, где была русская бакалейная лавка с видеопрокатом. Поезд шел в центре улицы с двусторонним движением, с обеих сторон то и дело возникали новые и новые церкви, кладбища, больницы, школы – похоже, в Бостоне запас этих заведений бесконечен. Светлана рассказывала свой сон, где в закуской «Тако Белл» ей пришлось съесть буррито из человечины.

– Я знала, что отец рассердится, если я съем, но что он тайно этого желает. – Светлана старалась перекричать поезд. – То есть, буррито – это, очевидно, фаллос, *человеческий* фаллос: тут одновременно и табу – каннибализм, – и некий предмет, который должен войти в твое тело. Думаю, у отца неоднозначные чувства по поводу моей сексуальности.

Я кивала, осторожно оглядывая вагон. Безучастная ко всему старушка в платке сверлила взглядом дверь.

– Иногда я думаю о человеке, с которым рано или поздно потеряю девственность, – продолжала Светлана. – Я абсолютно уверена, что это случится в колледже. У меня бывали эротические контакты, но это была интеллектуальная эротика, а физически еще ничего не случилось. Во многих смыслах я чувствую себя сексуальной бомбой, готовой взорваться.

– Мои соседки такие разные. Ферн думает, что если у нее будет секс в колледже, то, значит, что-то пошло не так. А Валери всегда спокойна, и никогда не поймешь, что *именно* у нее на уме. А ты? Ты планируешь секс в колледже?

– Не знаю, – ответила я. – Никогда об этом не думала.

– А я думаю, – сказала Светлана. – Может, я его уже видела. Может, я уже читала его имя в каком-нибудь списке или справочнике. На улице я смотрю в незнакомые лица и задаю себе вопрос: может, это он? Ведь он же есть *где-то*, не может быть, чтобы он еще не родился? Тогда – где же? Где эта штука, которая войдет в мое тело? Ты никогда не задавалась этим вопросом?

Я частенько пролистывала календарь, думая, в какой из 366 дней (включая 29 февраля) я умру, но мне никогда не приходило в голову, видела ли я уже человека, с которым у меня будет первый секс.

* * *

Мы вышли на площади Эвклида. Никакой площади там не было – просто бетонная платформа с телефоном-автоматом и табличкой «Площадь Эвклида». Я подумала, что Эвклида бы это взбесило.

– Так похоже на тебя, – сказала Светлана, – ты вечно думаешь, что все вокруг сердятся. Попробуй взглянуть под другим углом. После его смерти прошло две тысячи лет, он впервые приезжает в Бостон и видит, что в его честь названо какое-то место – вряд ли его первой реакцией будет злость.

Над дверью в лавку звякнул колокольчик, и на нас упали запахи салами и копченой рыбы, словно плотная ткань. За стеклянным прилавком стояли два продавца – толстый и худой.

– Привет, – обратилась Светлана по-русски.

– Привет, – ответили продавцы с какой-то иронией в голосе.

Интересно было видеть столько русских вещей сразу: твердый и мягкий сыр, красная и черная икра, голубцы, *bliny*, *piroshki*, маринованные грибы, соленая селедка, грязная лохань с карпами – живыми, но, кажется, при смерти – и бочонок прямоугольных, соблазнительных на вид конфет в обертках с сентиментальным славянским письмом и картинками белочек. В бакалейной секции целый ряд был отдан турецким продуктам: халва «Коско», перечная паста «Тат», розовое варенье, консервированные виноградные листья «Тамек» и печенье «Эти». По-турецки «эти» означает «хетты», и когда я была маленькой, показывали даже рекламный ролик, где детишки выкрикивали «Хетты, хетты, хетты». Турецкие дети любили «Хетты», поскольку Атгатюрк сказал, что от хеттов произошли турки и поэтому Анатолию можно считать турецкой родиной. Это было как-то связано с «Четырнадцатью пунктами», с правом на национальное самоопределение.

Оказалось, что Светлане все эти бренды знакомы, поскольку в Белграде они тоже есть, и что «баклажан», «фасоль», «бараний горох» и «вишня» по-сербохорватски звучат так же, как по-турецки. – Ясное дело, – сказала она, – ведь сербы двести лет жили под турками; я закивала, как будто поняла, о чем речь.

Светлана купила килограмм развесного чая и на преувеличенно правильном русском спросила, правда ли, что у них есть видеопрокат. Один из продавцов протянул ей блокнот со списком. Светлана листала ламинированные страницы гораздо быстрее, чем я успевала следить, и выбрала какую-то советскую комедию об агенте, страховавшем автомобили. Тощий продавец отправился за кассетой. А толстый попросил записать в журнал ее имя и адрес.

– По-английски... или по-русски? – спросила Светлана.

– Как хотите, без разницы, – ответил продавец. – Вы из России?

– Нет, я не русская.

– Не русская? Но вы прекрасно говорите.

– Ничего прекрасного. Я знаю очень мало слов. Я учу русский в университете.

– На мой слух, вы говорите прекрасно. А я ведь русский.

– Дело в том, что я сербка.

– Ага, – сказал толстый продавец.

– Она – чего? – спросил тощий, вернувшись с кассетой.

– *Сербка*, – ответил толстый.

– Ага, – сказал тощий.

* * *

На обратном пути Светлана рассказала об одном сербском кинорежиссере, который в Белграде дружил с ее отцом. Жена режиссера, актриса, уехала в Париж сниматься в фильмах у молодого француза. Но француз трагически погиб, свалившись с барного стула.

– Говорят, это могло быть самоубийство, – сказала Светлана.

Когда мы часам к десяти вернулись в кампус, я была измотана и лишена дара речи. Разрежь в тот момент мою голову, и там – как в желудке самого большого в мире музейного крокодила – обнаружится лошадь и 150 фунтов камней. Я открыла блокнот. *Он погиб, свалившись с барного стула*, записала я. *Это могло быть самоубийство*.

Я услышала телефон. Звонил Ральф. Его приняли на стажировку в Библиотеку Кеннеди. Конкурс на это место был открыт для всех – для младшекурсников, для старшекурсников, даже для магистрантов, – но выбрали Ральфа. Он будет работать в архиве, заниматься классификацией материалов и вводить информацию в базу данных.

Чтобы отпраздновать это событие, мы отправились в подвальный этаж торгового центра «Гараж», где маленький пожилой азиат допоздна продавал замороженный йогурт.

– Хочу кофейный, – сказал Ральф, – но в глубине души думаю о черничном.

– Почему не взять оба? – спросила я.

– Это слишком много.

– Возьми один, а я другой, и поделимся.

– Но я не хочу навязывать.

Мы взяли оба. Вкус у них оказался одинаковый.

Ральф принес книжку, издание 80-х годов в мягкой обложке. Это была автобиография Олега Кассини, русского аристократа, который в 1918 году убежал от революции, оказался в Америке и стал официальным дизайнером гардероба Джеки Кеннеди. Впервые ее люди позвонили Олегу в декабре 1960-го, когда он отдыхал во Флориде. Ему сказали явиться в больницу Джоджтаунского университета, где Джеки приходила в себя после первых родов.

В самолете Кассини всю дорогу думал о Джеки, ее иероглифической фигуре и сфинксоподобной натуре – и затем начал делать наброски. У больничной койки он показал ей будущие трапециевидные платья, вдохновленные простотой линий древнеегипетского искусства. Шляпка походила на головной убор Нефертити. Никто из дизайнеров прежде не запускал целую линию специально для Джеки. Кассини получил место – эксклюзивный кутюрье Первой леди. Но частицу своей индивидуальности она оставила за собой и продолжала покупать некоторые наряды у Баленсиаги.

* * *

На лингвистике мы узнали о людях, потерявших способность соединять морфемы после того, как их мозг пронзили железными прутьями. Видимо, на свете нашлось по меньшей мере несколько человек, которые выжили с прутьями в мозгу и смогли об этом рассказать, пусть даже и без морфем. Если изучить, куда именно воткнуты прутья и какие именно морфемы утеряны, можно понять, где именно те или иные морфемы хранятся.

Мы узнали, в чем прав был Ноам Хомский и в чем ошибался Б. Ф. Скиннер. Последний переоценивал сходство людей с животными и недооценивал самих животных. Человек не способен понять птичью песню.

Мы узнали, что поскольку язык – это универсальный человеческий инстинкт, неграмотных людей не бывает, даже среди младенцев и чернокожих. Так прямо и говорилось в учебнике: если проанализировать речь младенцев и чернокожих, выяснится, что они следуют грам-

матическим правилам, но на слишком тонком уровне, ни в какую компьютерную программу не введешь.

Мы узнали о гипотезе Сепира-Уорфа, утверждающей, что наше восприятие действительности зависит от языка, на котором мы говорим. Еще мы узнали, что эта гипотеза неверна. Уорф – его всегда называют «пожарный инспектор» – полагал, что индейцы хопи видят время не так, как мы, поскольку у них нет глагольных времен. По его словам, хопи считают два разных дня не двумя разными сущностями, а одной и той же, имевшей место дважды. Выяснилось, что в отношении хопи он кое в чем заблуждался.

Хомскианцы считали гипотезу Сепира-Уорфа дичайшей клеветой – не просто неверной, а отвратительной и равноценной заявлениям о расовых различиях в ай-кью. Поскольку все языки одинаково сложны и как способ выражения действительности идентичны, различия в грамматике едва ли могут повлечь за собой разницу в мышлении. «Мышление и язык – рас-с-ные вещи», – говорил профессор с легким присвистом, который проявлялся у него только в эмоциональные моменты. Он сказал, что гипотеза Сепира-Уорфа несовместима с синдромом «Вертится на языке». Состояние, когда не можешь вспомнить слово, которое вертится на языке, оказывается, называют *синдромом*.

В душе я знала, что Уорф прав. Знала, что по-турецки и по-английски я думаю по-разному: и не потому, что мысль и язык – это одно и то же, а потому, что разные языки заставляют тебя думать о разных вещах. В турецком, например, есть суффикс – *miş*, который добавляешь к глаголу, если говоришь о том, чего не видел своими глазами. Ты всё время заявляешь о степени своей субъективности. Всякий раз, открыв рот, ты держишь это в уме.

У суффикса – *miş* нет точного английского эквивалента. Его можно перевести как «кажется», «я слышал» или «по всей видимости». У меня он ассоциировался с Дилек, моей двоюродной сестрой по отцовской линии, – миниатюрной, худющей и смуглой Дилек, моей ровесницей, только гораздо меньше ростом. «Ты жаловалась-*miş* своей матери», – говорила Дилек спокойным четким голосом. «Ты испугалась-*miş* собаку». «Ты сказала-*miş* родителям, что если тетя Хюля поедет в Америку, то может остановиться у тебя в гараже». Как только слышишь – *miş*, сразу понимаешь, что в твое отсутствие тебя склоняли – и не просто тебя, а твое лицемерие, малодушие, твою трусость. Стоит прозвучать – *miş*, и возникает чувство, будто тебя подловили. Да, я боюсь собак. Да, я жалуюсь матери, и делаю это часто. И суффикс – *miş* – тоже одна из тех вещей, на которые я жалуюсь. Мать эти жалобы забавляют.

* * *

На русском мы проходили глагол «нравиться» и говорили о том, какого рода фильмы нам нравятся. Я сказала, что люблю документальные. Варвара, похоже, отнеслась к моим словам скептически.

– И они тебе не кажутся скучными?

Я опустила взгляд на стол. Неужели это так заметно?

Иван сказал, что ему нравятся фильмы Феллини. Варвара предложила считать, что ему нравится итальянское кино. Я ничего не знала о Феллини, у меня в мыслях возник образ кота в человеческий рост⁹.

В Гарвардском киноархиве шла ретроспектива Феллини, и я решила пойти, тем более что у Гэри в программе Феллини тоже был. Казалось странным, что у Гэри и Ивана – один и тот же любимый режиссер. Гэри нравилась «Сладкая жизнь», а Ивану – «Дорога». На «Сладкой жизни» мне составила компанию Светлана. «У тебя в голове только кухня и спальня!» – кричал Марчелло Матроянни на свою невесту; он отверг ее материнскую удушливую любовь,

⁹ Felis – кот (*лат.*).

предпочитая встречи с гламурными иностранками на званых вечерах. В «Дороге» не было ни званых вечеров, ни гламурных персонажей. Джульетта Мазина любила силача. А силач говорил ей, что она больше похожа на артишок, чем на женщину.

* * *

Светлана брала частные уроки французского у магистрантки Анук. Раз в неделю она писала по-французски эссе о любви, отсылала Анук по емэйлу, а потом они обсуждали его в кафе «Гато Рохо». Светлана часто пересказывала мне эти эссе на совместных пробежках. Ей запросто удавалось бежать и одновременно говорить; казалось, она в состоянии продолжать это бесконечно.

– Сегодня, – рассказывала она, – я писала, что можно влюбить в себя абсолютно кого угодно, стоит лишь сильно захотеть.

– Но это не так, – ответила я.

– Почему?

– Как я могу влюбить в себя зулусского вождя?

– Разумеется, Селин, тебе потребуется географический и лингвистический *доступ*. – Мы бежали бок о бок по Оксфорд-стрит. Я на пару секунд отстала, чтобы пропустить женщину с коляской. Светлана писала, что любовь – игра, где опыт можно совершенствовать без конца, как во французских романах – неважно, идет ли речь о картах, которые надо правильно разыграть, или о случаях, когда любовь подобна струе, в которую надо уметь влиться.

– То есть ты полагаешь, любовь – это умение верно разыграть карты? – спросила я.

– Тоска, да? Иногда я думаю, что на свете, наверно, два вида любви. Первый, очень редкий вид – это когда она просто существует между определенными людьми естественным образом. В большинстве же случаев любовь надо выстраивать.

Для меня оставалось загадкой, как Светлане удастся генерировать столько мнений. При контакте с любой информацией у нее тут же появлялось мнение. В то время как я ходила с одного занятия на другое, читала сотни, тысячи страниц отборных идей, принадлежащих лучшим мыслителям человечества, и со мной ничего такого не происходило. В старших классах у меня имелись мнения по множеству вопросов, но школа – это вроде тюрьмы, где неизменны противостояния и барьеры. Стоит барьерам исчезнуть, как вместе с ними уходит и смысл. Как у Чехова в «Душечке»:

«Она видела кругом себя предметы и понимала всё, что происходило кругом, но ни о чем не могла составить мнения и не знала, о чем ей говорить. А как это ужасно не иметь никакого мнения! Видишь, например, как стоит бутылка, или идет дождь, или едет мужик на телеге, но для чего эта бутылка, или дождь, или мужик, какой в них смысл, сказать не можешь и даже за тысячу рублей ничего не сказал бы».

* * *

Время от времени в той или иной книжке мне встречалось что-то подобное, и это служило некоторым утешением. Но всё-таки иметь мнение – было бы лучше.

Мы обогнули станцию метро на Портер-сквер. Внизу под нами, по другую сторону сетчатой ограды, в свете розовых фонарей блестели рельсы и влажный гравий. Вывеска «Данкин Донатс» и большие часы. Откуда-то доносился голос попрошайки.

– Ничего, если я задам тебе личный вопрос? – спросила Светлана.

– Ничего.

– Ты сейчас с кем-нибудь встречаешься?

– Нет.

– А кто тот парень, с которым я тебя видела? Понимаешь, о ком я. Твоего роста, шатен, аккуратный, весь такой американский.

– А, Ральф! Мы дружим еще со школы.

– Не смогла понять по вашему языку тела. Сначала мне показалось, что вы – пара, а потом – что нет. Вы уже ходили куда-нибудь вместе или типа того?

– Нет.

– Правда? А почему? Он симпатичный.

– Не знаю, – ответила я. – На самом деле мне кажется, что он гей.

– Почему ты так думаешь?

– Он не на шутку увлечен Джеки Кеннеди.

– Х-м-м. А это *любопытно*. – Светлана рассказала, что у нее в сербохорватском клубе есть знакомая лесбиянка и что та непрерывно думает о Джеки Кеннеди, Марии Каллас и Мэрилин Монро – насколько они были талантливы, эстетичны, близки к могущественным людям – и несчастны.

* * *

На следующий день мы с Ральфом ужинали, и к нашему столику подошла Светлана.

– Можно присоединиться? Не помешаю?

– Конечно можно, – ответил Ральф.

Она плюхнула свой поднос и принялась рассказывать о дружбе Валери с глухой девушкой по имени Пейшенс из ее класса по физике.

– Не думаю, что она ей как-то особенно нравится, но глухого человека – тем более по имени Пейшенс¹⁰ – нельзя просто взять и проигнорировать. А ведь тусоваться с ней – это так выматывает! Да, она умеет читать по *губам*, но ты должен стоять прямо напротив нее и говорить разборчиво, и при этом постоянно помнить, что нельзя позволять себе покровительственный вид. А некоторых людей она не может понять, и Валери приходится переводить. По телефону от имени Пейшенс тоже звонит Валери, и это ее страшно напрягает. Не знаю, сколько она еще выдержит. А у Ферн на шее сыпь из-за коллоквиума по биохимии. У нее вечно сыпь, но на этот раз больше похоже на крапивницу – вниз по всей спине. И довольно крупная, но я не буду вдаваться в детали за едой. Естественно, к врачу она не идет. Кстати, меня зовут Светлана, а ты, наверно, – Ральф. Нужно пожать руку, но я боюсь, что подцепила у Ферн простуду. Она еще и простыла, но это другая история. Извините, что я столько болтаю. Такое облегчение, когда не нужно париться о чтении по губам.

После ужина мы отправились в киноархив смотреть «Казанову» Феллини. Дорожка была слишком узкой для троих, поэтому я шла рядом с Ральфом, и мы обсуждали Джеки, которая не желала брать в руки мемуары Казановы, поскольку считала его жуликом, но Кассини убедил ее прочесть, и она потом поблагодарила его в очаровательной записке.

Через некоторое время мне стало неловко, что я бросила Светлану одну, и я подождала ее. – Теперь я определенно понимаю, что ты имела в виду, когда говорила, что он, возможно, гей, – сказала Светлана. Мою грудную клетку пронзил ужас. Ощущение, что ты кого-то предал, ничуть не лучше ощущения, что предали тебя. Даже, наоборот, хуже.

– Светлана!

– Что? Да он не слышит, не будь параноиком.

Услышал Ральф ее или нет – по его спине было не определить.

¹⁰ Patience – терпеливость, долготерпение (*англ.*).

Зачем я говорила о нем со Светланой? Зачем я вообще сказала ей о нем хоть слово? Тут я вдруг подумала, что мне будет стыдно, если даже Ханна узнает, как я порой о ней говорю. А как нам следует говорить о людях?

В «Казанове» чувствовалась некоторая мстительность, словно Феллини завидовал богатому сексу своего героя и старался, чтобы тот выглядел поглупее. Почему так хохотали женщины, я не поняла.

Судьба в Новосибирске

– Извините, вы едете в колхоз «Сибирская искра»? – спросила Нина водителя автобуса. Она была в Новосибирском аэропорту.

– Нет, – ответил водитель. – Вам нужно такси.

– Вы едете в «Сибирскую искру»? – услышала Нина вопрос. Она обернулась и увидела молодого человека с чемоданом. – Я тоже туда еду, – сказал молодой человек. – Поехали вместе.

– Хорошо, – ответила Нина.

В такси Нина вынула письмо Ивана из своего учебника по физике и перечитала его.

– Смотрите, – сказал молодой человек, показывая в окно. – Видите эти огни? Это – центр города, здесь больше миллиона жителей.

– О, – ответила Нина.

Молодой человек посмотрел на нее. – Я вижу, у вас книга по физике. Вы физик?

– Да, я на последнем курсе.

– Я тоже на последнем курсе. Давайте знакомиться. Меня зовут Леонид. Я учусь в Иркутском научном центре.

– Я Нина, – сказала Нина. – Я учусь в Московском государственном университете.

– Боже мой, москвичка! А что вы делаете в Новосибирске?

– Изучаю вопросы физики передвижения оленей, – ответила Нина. Она солгала.

У Леонида был задумчивый вид. Нина молчала.

– Иван Алексеевич Бажанов? – повторила директор «Сибирской искры». – Она посмотрела в большую книгу. – Бажановых здесь нет. Но есть один Боярский, тоже Иван Алексеевич.

– Он давно здесь работает? – спросила Нина.

– Нет, недавно. Всего три недели.

Сердце Нины забило чаще. Иван исчез ровно три недели назад!

– Мне бы хотелось с ним встретиться, – сказала Нина.

– Вы можете встретиться с ним в пять часов, – пообещала директор. – А сейчас он на опытной ферме.

– А чем занимаются на опытной ферме? – спросила Нина.

– Изучают важные вопросы. Например, чем лучше всего кормить оленей? У каких лис самый теплый мех? К сожалению, посторонним туда вход запрещен.

– Понятно, – сказала Нина.

На самом деле Нине не было понятно. Почему изучение корма для оленей держат в тайне? Может, «опытная ферма» – это в действительности лаборатория ядерной физики? Может, Иван скрывается там под псевдонимом?

* * *

– Я предупреждала, что это случится, – говорила Анжела Ханне, когда я вошла. Обе повернулись и посмотрели на меня.

– Нас обокрали, – сказала Ханна.

Пропала моя куртка, гарвардский шарф Анжелы, одна из Ханниних клетчатых рубашек («моя любимая», сказала она) и все ее носки. Ханна разбирала носки, оставила их на банкетке, и их просто взяли и забрали.

– Я же говорила вам запереть дверь, когда уходите. Я *говорила!* – сказала Анжела.

– Я вышла в холл на пять минут! И вообще я думала, что ты дома. Откуда мне знать? Даже когда ты дома, то всё равно сидишь там у себя за дверью.

– Всё равно нужно запереть!

Украденная куртка когда-то принадлежала матери, она носила ее много лет, пока не купила себе дубленку. Я нашла эту куртку у нее в шкафу, когда мне было пятнадцать, а потом она увидела меня в ней и подарила. Я любила ее – квадратные плечи, большие пуговицы, легкий аромат духов.

* * *

Мне захотелось немедленно пожаловаться о своей утрате Ральфу, поскольку я знала, что он сможет утешить. Он предложил пройтись по магазинам. Ему всё равно нужно купить рубашки. Мы решили отправиться в универмаг «Файлинс Бейсмент», который считался важной частью бостонской жизни.

Стоя на эскалаторе, ты окидывал взглядом все залы «Файлинс», раскинувшиеся под тобой, словно исторический гобелен. Потом ты туда окунался. Везде, насколько хватало глаз, покупатели – с первобытной враждебностью, которая, казалось, угрожает самим буржуазным ценностям, воплощенным во всех этих шмотках, – старались ухватить кашемировые двойки, вечерние наряды для младенцев, плиссированные летние брюки. Штабель длинного термобелья напоминал груды сердец, выданных из тел. В груди жадно рылись женщины, периодически кто-нибудь выхватывал предмет, поднимал его, и тот висел в воздухе – дряблый и неприкаянный.

Оказалось, у Ральфа имеются весьма конкретные и подробные мысли о женской одежде. – Если купишь эту штуку, – он показал на что-то вроде жакетки, – станешь носить *соломенную сумку*.

Я нашла ярко-красную облегающую кожаную куртку с капюшоном, с виду подходящую по размеру и уцененную на 75 процентов, и начала продираться к зеркалу, у которого стояли всего две дамы, всеми средствами старавшиеся занять позицию повыгоднее. Я топталась позади, силясь понять, как смотрюсь в этой куртке. Я не могла решить, хорошо выгляжу или плохо: в одном исследовании говорилось, что большинство девушек и молодых женщин воспринимают себя в зеркале недостаточно. В итоге я остановилась на бесформенном, достающем до лодыжек черном плаще, под которым поместилось бы всё что угодно. Он напомнил мне гоголевскую шинель.

* * *

Неделя выдалась тягостной. Девять часов, например, я провела, дрожа и кутаясь в свой гоголевский плащ, за просмотром девятичасового документального фильма о холокосте. В

какой-то момент я решила, что у меня на бедре вскочила шишка, но это оказался мандарин: он вывалился через дырку в кармане и застрял за подкладкой.

Желаю тебе эффективной работы ферментных каналов, отменной регуляции цитокиновой сети и высокого уровня эндорфинов, – писала мать в электронном письме, которое прислала в два часа ночи, чтобы подбодрить перед коллоквиумами.

Будет чрезвычайно великодушно с твоей стороны, если ты позвонишь тете Берне в Измир, она упала и ушибла ногу. За это я получу от нее кучу бонусных очков. Позвони ей после часа дня, но не намного позднее, потому что потом у нее время коктейлей: тогда это потеряет смысл. Мать заканчивала заявку на грант, которую собиралась лично отвезти в Верхний Вест-Сайд, чтобы успеть к сроку. У Анжелы во время коллоквиумов было особое расписание, которое подразумевало громоподобный будильник каждые двадцать минут. Она не ложилась до половины пятого, но даже после этого будильник продолжал включаться, а Анжела не просыпалась. Мне приснилось, что каждой «длительности звона» соответствует своя степень «пробуждения». У слова «пробуждение» в этом сне был какой-то свой смысл.

Непрерывно шел дождь, причем на ветру струи летели горизонтально. Зонтик стал вещью с карикатуры. Библиотеки стали раздавать пластиковые пакеты с надписью «МОКРАЯ КНИГА – НЕ МЕРТВАЯ КНИГА». Считалось, что эти пакеты убедят тебя не выбрасывать промокшие книжки.

* * *

Во всем Париже лишь один наборщик умел расшифровать правки Бальзака на гранках.

* * *

Я написала работу о турецком суффиксе – *miş*. Из книги по сравнительной лингвистике я узнала, что образуемое им глагольное время называется «неочевидным», или «субъективным», и что подобные структуры существуют еще в эстонском и тибетском языках. Турецкое неочевидное время, – прочла я, – используется в различных формах, связанных с устной передачей текста или слухов: в сказках, в эпосе, в анекдотах – и в сплетнях. Я про себя подтвердила, что так оно и есть, но никогда сознательно не группировала эти формы в одну категорию и не пыталась выделить их общие черты. Выделить эти общие черты – дело весьма нелегкое, несмотря на то, что следовать самому правилу довольно несложно.

Одна из самых распространенных ситуаций, где употребляется турецкое неочевидное время, – говорилось в книге, – это общение с детьми. И это тоже я хорошо помню: «Что, потвоему, случилось с куклой?» Неочевидное время позволяет говорящему исходить из того, что ребенок живет среди чудес и неведения, в состоянии, где каждая частица знания – это, в сущности, слухи.

Кое-что в – *miş* мне нравилось: в нем заложена своего рода встроенная неразбериха, он автоматически подразумевает забавное. Но в то же время он – проклятие, ты обречен осознавать, что всё, сказанное тобой, потенциально посягает на чужой опыт, что в твою субъективность вставлена бомба-ловушка и из-за нее твоя правда будет противоречить правде других. Этот суффикс компрометирует и трансформирует всё, что бы ты ни сказал. Какое глагольное время ни используй, он его изменит. И от этого никуда не деться. В жизни невозможно излагать *исключительно* факты о своих прямых наблюдениях – хоть по-турецки, хоть на любом другом языке. Ты вынужден прибегать к – *miş* уже в силу своей человеческой природы, в силу того, что ты существуешь во взаимосвязи с другими людьми.

* * *

На День благодарения я ездила к отцу в Нью-Орлеан. Наши отношения теперь стали проще и мягче, чем в прошлые годы. Отчасти я объясняла это тем, что приехала из Бостона, а не из дома матери.

Моя мачеха – тоже турчанка, но чрезвычайно легко приспосабливающаяся к любой среде, – приготовила индуртицу. Мой пятилетний единокровный брат еще не отошел от Хэллоуина. Ни о чем другом говорить он не мог.

– А что если когда тебе скажут «сласти или страсти», ты выберешь страсти, а весь твой дом превратится в воздушный шар и улетит? – спросил он. Мы все задумались.

– Ну что ж, – в итоге сказал отец. – Тогда, полагаю, тебе придется пополнить ряды бездомных.

* * *

Когда я вернулась в Бостон, шел снег. У меня не было ни шапки, ни перчаток. Прошлой зимой я носила перчатки. Куда они делись – неведомо. Но помню, что позапрошлой зимой я носила другие.

На вокзале люди пили кофе и читали газеты. Мне было радостно видеть, что жизнь течет – настоящая жизнь, когда люди работают, не спят, хотят закончить свои дела, ведь именно в этом – смысл кофе. У Пастернака есть стих с похожим настроением: «Не спи, не спи, художник». По-русски он звучит лучше, чем английский перевод «Don't sleep, don't sleep artist», поскольку в русском «художник» – три слога, это амфибрахий, как в слове «спагетти» или «аппендикс». «Don't sleep, don't sleep, горилла», – звучало в голове, пока я спускалась на эскалаторе в метро.

В это мое возвращение в Бостон город с его специфической атмосферой меня как-то особенно взволновал. По дороге в Кембридж я мысленно переставляла и компоновала названия станций.

Элиот, Холиоук, Копли-Сквер,
Симфони, Уоллэстон, Хусак-Пир,
Марблхед, Мэверик, Фенуэй-Парк,
Хэймаркет, Маттапан, Кодмэн-Ярд,
Уандерленд, Провиденс, Бикон-Хилл,
Уотертаун, Резева, Мистик-Молл.

Площадь Гарвард-сквер выглядела по-новому и в то же время знакомо. Мне пришла мысль, что по этой площади сразу видно: конфигурация ее домов и прилегающих улиц кажется хорошо известной и исполненной особого смысла не только мне, но и множеству других людей.

Когда я подошла к общаге, оттуда кого-то выносили на носилках. Этот кто-то оказался Ханной.

– Привет, Селин! – помахала она мне. – Ну разве не *смешно*?

– Пожалуйста, лежите, – сказал санитар.

– Я упала с лестницы! Представляешь? – Не дожидаясь ответа, она снова легла на спину, и санитары продолжили свой путь к припаркованной «скорой».

Ханна провела ночь в больнице, и я проспала целых четырнадцать часов. На другой день я отправилась в военторг за перчатками. На стеллаже преобладали центральноамериканские варежки с кисточками. Там было несколько пар хороших кожаных перчаток, но слишком маленькие и дорогие для меня. Купив в итоге голубые лыжные рукавицы, я пошла взглянуть на обувь. Я круглый год носила одни и те же мужские кроссовки. Женскую обувь моего двенадцати-

того размера найти практически невозможно. В магазине обнаружилась пара польских шнурованных ботинок унисекс из материала, с виду напоминающего моченый картон. Эти тяжеленные, с круглыми носками и пластиковыми наборными каблуками, ботинки были, несомненно, самой уродливой обувью, какую мне доводилось видеть, но зато годились по размеру и цене.

На следующий день снова шел снег. На завтраке трое разных людей сделали комплимент моей новой обуви. Словно во сне. На занятиях по русскому мы должны были рассказать, как провели День благодарения. Иван ездил в Канаду.

– У вас изменилась прическа, – сказал Гриша Варваре.

– Да? Я не стриглась.

Он прищурился на нее.

– Думаю, волосы *подросли*.

Мы прошли несколько неправильных глаголов, которые Варвара «неправильными» не считала. Она сказала, что их неправильность строится на самом деле по определенной модели, хотя в самой этой модели некоторая неправильность всё же имеет место.

После русского я пошла в корпус искусств, разглядывая ботинки и раздумывая, смогу ли я их когда-нибудь потерять, и вдруг услышала голос сзади.

– Соня! – это был Иван, он протягивал мне какой-то мягкий голубой башмак.

Башмак оказался моей новой лыжной рукавицей. – О нет! – сказала я. – Значит, я уже пытаюсь их потерять.

– Пытаешься? То есть это трудная задача?

– На подсознательном уровне я должна это сделать, – объяснила я.

– Ясно, – сказал он. – Прости, что помешал твоему плану.

– Всё нормально. Я потеряю их в следующий раз, когда тебя не будет рядом.

– Но имей в виду, когда ты в следующий раз что-нибудь при мне уронишь, я подбирать не стану.

* * *

Когда прошла первая треть учебного года, я сказала Анжеле с Ханной, что настала пора передавать отдельную спальню новому владельцу. Ханне было лень переносить свои вещи, поэтому комнату заняла я. Понадобилось два дня, чтобы Анжела завершила переезд. Я жалела ее, но не слишком.

* * *

На «Строительстве миров» последним заданием было построить мир. Я решила написать рассказ с иллюстрациями. Во всех своих рассказах того времени я брала за основу ту или иную необычную атмосферу, впечатлившую меня в реальной жизни. Я считала, что в этом и состоит суть писательства: сочинить цепь создающих определенное настроение событий – с чего всё началось и к чему это привело.

В атмосфере, о которой мне предстояло писать, я попала пару лет назад на весенних каникулах – мы с матерью тогда ездили в Мексику. Что-то случилось с заказным автобусом, и вместо аэропорта мы очутились во дворе странной гостиницы, двор был выложен розовой плиткой, а из динамиков звучало «Адажио» Альбини; вдруг что-то коснулось наших рук, и это оказался пепел. Моим пляжным чтением тогда была «Чума» Камю, и я представила, что мы не сможем уехать, что так и останемся в этом розовом дворе навеки.

Рассказ, который воссоздал бы то настроение, – розовая гостиница, Альбини, пепел, невозможность уйти, – я хотела написать в исключительной, величественной манере. На самом деле мы провели в том дворе всего часа три. Я была приехавшим с матерью американским

подростком – что на свете может быть менее интригующим и величественным? Просто квинт-эссенция малопримечательного события: у пары американок задерживается вылет. В рассказе же персонажи должны будут застрять там надолго и по какой-то настоящей, серьезной причине – типа болезни. Гостиница находится где-нибудь далеко – вроде Японии. А администрация приносит извинения за бесконечное «Адажио» в залах и в лобби, объясняя накладку хроническими техническими проблемами, устранить которые весьма непросто.

* * *

Хотя «Строительство миров» значилось в списке как курс по студийному искусству, Гэри сказал, что студийные занятия были бы пустой тратой времени в классе. Мы, как настоящие художники, должны учиться уделять искусству свое время. Школьными художественными принадлежностями пользоваться тоже не позволялось. Чтобы всё – как в жизни.

За принадлежностями я отправилась в магазин. Там всё ужасно дорого стоило. Я купила две стопки ярко-розовой бумаги для принтера и покрыла ею стены, пол и мебель своей новой спальни. Так я могла делать фотографии, якобы снятые в розовой гостинице. Любого, кто проводил хоть сколько-нибудь времени в моей комнате, начинало слегка мутить от резинового клея. Светлана сказала, что не представляет, как я могу так жить.

– Пойми, больной в розовой гостинице – это теперь *ты*.

Лабораторный роман

За дверями кабинета ждал высокий молодой человек. Нина видела только спину, но тут же узнала.

– Иван! – крикнула она.

Человек обернулся. Это был не Иван – или, по крайней мере, не Нинин Иван.

– Извините, – сказала Нина, смутившись. – Я ищу своего знакомого Ивана Алексеевича Бажанова. Но я вижу, что вы – это не он.

Молодой человек улыбнулся.

– Нет, я – Иван Алексеевич Боярский. Имя и отчество у меня такие же, а фамилия – другая.

– Я ошиблась, – сказала Нина. – Извините. До свидания.

– Куда вы сейчас?

– В Новосибирск, в Институт космологической физики.

– Это три километра отсюда, а у вас – чемодан, – заметил Иван Боярский. – Давайте поедем на моем тракторе.

В Сибири живут добрые люди.

Нина постучала в дверь лаборатории Иванова дяди. Дверь открыл... Леонид, тот молодой человек в такси.

– Нина? Какая радость! Но я не понимаю. Зачем вы здесь?

– Я здесь, потому что... потому что профессор Бажанов – мой родственник, – солгала Нина. – А вы, Леонид, вы здесь почему?

– В лаборатории я изучаю электрические свойства вечномерзлого грунта.

– Это очень интересно, – сказала Нина. – А профессор Бажанов здесь?

– Нет, он сейчас в ледовом лагере.

– Можно подождать?

– Конечно. Пожалуйста, садитесь.

Но Нине не сиделось. Она принялась ходить по комнате.

В лаборатории стояли три стола. На первом стояла табличка «А. А. Бажанов». Это – дядя Ивана. На втором – табличка с женским именем «Г. П. Устинова». И на столе этой самой Устиновой стояла фотография Ивана – Нининого Ивана! Увидев табличку на третьем столе, Нина не поверила своим глазам: «И. А. Бажанов». Это были инициалы Ивана. И тут же на столе лежал блокнот, а на нем – записка:

Иван,
меня задержали в обсерватории. Извини. Найду тебя в ледовом лагере.
Твоя Галя

Твоя Галя? Нину охватило недоброе предчувствие.

– Скажите, Леонид, а кто такая Г. П. Устинова?

Лицо Леонида потемнело.

– Галина Петровна – наш геохимик, – ответил он. – Я ее раньше неплохо знал. Понимаете, у нас тут «лабораторный роман»: она только что вышла замуж за Ивана Алексеевича, который тоже здесь работает. У нее на столе – его фото.

– О! – Нина посмотрела на фотографию Ивана. – Он очень симпатичный. Однако, Леонид, прошу прощения. Мне пора ехать.

– Как? Разве вы не хотите дождаться своего родственника, профессора Бажанова?

– Извините. Не могу больше ждать. Пожалуйста, не говорите никому, что я приходила.

Леонид не успел ответить, как Нина ушла.

Привет, Селин!

Получила твое сообщение про иранский фильм, но сейчас уже семь. *Вздыхает*. Выходные проходят нормально, если не считать, что меня немного мутит и что скопилось невообразимое количество чтения, а я еще не бралась. Завтра у меня аттестация по тхэквондо. Вчера пыталась заняться одним художественным проектом, но сложно, когда время поджимает и когда нет личного пространства. Я люблю Вал и Ферн, но если хочется поэкспериментировать, нужно одиночество. Ладно. Надеюсь, тебе понравится картина и не окажется, что она – об иранских картофелеводах. Извини, что не смогла пойти.

Твоя Светлана

PS. Кстати, мне приснилось, что мы с тобой прямо посреди Мемориал-драйв стреляем друг в друга краской из игрушечных пистолетов и что нам очень весело.

Привет, Селин!

Слышала, что ты заглядывала, – но я беспробудно спала. Я приболела, но сейчас уже вроде нормально. Есть ли сеанс позднее, чем 7:30? Если нет, то пойдем на 7:30, но если есть, то это лучше, потому что мне нужно кое-что дочитать.

Хм. Вижу, ты изучаешь russkii. Ничего себе. Мне тут из чтения остался только Карл Великий. Ура! (Как пишется «ура», с одной «р» или с двумя?) Кстати, как я понимаю из письма, тебя опять ждут неприятности из-за

разногласий с этой лингвистической книгой. *Вздыхает*... некоторые вещи просто неизменны, да?

Сегодня сдавала кровь, у меня снова возникла жуткая фантазия, будто меня душат трубкой с кровью и она завивается вокруг, словно кишка. Я так напугалась. Вот куда пойдет моя кровь? Будет течь в чужом мозгу... Кровь, которая питает мои мысли, будет питать мысли чужого человека. Какое странное внедрение! Ладно. Хотелось бы с тобой поболтать, но, думаю, ты сейчас занята, что-нибудь вынюхиваешь. Очередной дикий проект – в холоде, в темноте, под дождем...

Сообщи мне о сеансах. Я буду в своей комнате... читать...

Твоя Светлана

Привет, Селин!

Сегодня с кино ни хрена не выходит. У меня 180 страниц о Каролингском Ренессансе, я должна их прочесть сегодня за вечер, и мне это НЕ ПРАВИТСЯ. *Вздыхает*. Что-то наши кинематографические планы никак не складываются. Это всё я виновата. Меня гложет вина, тебе ведь знакомо это чувство (ха-ха). Я бы пообещала, что мы в пятницу пойдём на Гоголя, но уже научилась ничего не обещать.

Кстати, эта розовая бумага – крутая. Надеюсь, ничего страшного, если я использую один листок для скромных утилитарных целей и напишу тебе на нем эту записку. (Я специально взяла надорванный). Чтобы ты была в курсе, как мне там во сне, сообщаю: мне снилась сестра, будто с ней на йоге произошел несчастный случай, и один человек сказал, что она похожа на белку в блендере. Ужас, да?

О, а вот и ты, в классном желтом свитере. Как же здорово ты умеешь носить яркое.

Светлана

* * *

Деньги были на исходе, и я подала заявление на место в библиотеке. Когда я рассказала об этом матери, в трубке повисло долгое молчание; мать еще не произнесла ни слова, а я уже знала, что она – вне себя. *Ей* приходится вкалывать именно затем, чтобы я могла посвящать себя учебе и не думать о деньгах, а если мне не хватает, она возьмет из пенсионных и вышлет чек, но если я действительно хочу быть полезной обществу, то лучшее место – социальные службы. Мне сразу стало стыдно за свое желание иметь больше денег. На что? – на очередные уродские ботинки? но очередное унылое кино?

Из чувства вины, привычки слушаться матери и интереса к проблемам освоения второго языка я в качестве преподавателя ESL¹¹ включилась в образовательную программу для взрослых в районе многоквартирной застройки. Выяснилось, что таких учителей уже хватает, а сейчас надо, чтобы кто-то преподавал математику на уровне старших классов. Освоение математики старших классов меня интересовало не очень сильно, но кто сказал, что мы попали на эту землю для развлечений?

Чтобы добраться до района, нужно сесть в автобус до медицинской школы, миновать чуть не пятнадцать больниц, а потом перебраться через железнодорожные пути. Мне никогда

¹¹ ESL (*англ.*) – English as a Second Language, «английский как второй язык».

раньше не доводилось бывать в таких местах, я и ожидала увидеть нечто импровизированное, слепленное на скорую руку, но в этой институциональной массивности было нечто ужасное. Ты смотришь и понимаешь, что эти дома всегда были депрессивными – депрессивными по самому своему дизайну, самой конструкции, – и что депрессивность никуда не уйдет, пока – возможно, через сотни лет – некая сила не сравняет их с землей. Ключки неухоженной травы напоминали зачес на голове лысого, который не желает смотреть в глаза реальности. На каждой стене – обязательно граффити. Не разноцветное веселое граффити, а вот эти вот неразборчивые каракули, повторяющиеся снова, снова и снова, словно грязная мысль, от которой не отделаться.

Классные комнаты располагались в жилом доме, перед которым во дворе стояла заброшенная печь. Я направилась вверх по лестнице, в комнаты, предназначенные для занятий со взрослыми. Там оказалось что-то вроде «лобби» с детскими миниатюрными стульями и столиком, хотя никаких детей в программе не было. На столике – ведомость для регистрации, горшок с засохшим паучником и дохлый паук. На полке в стенном шкафу лежала стопка толстых тетрадей с обложками под мрамор и коробка незаточенных карандашей «Тикондерога».

Моя студентка Линда опоздала на десять минут. Примерно моих лет, худощавая, на губах – сиренево-металлическая помада, на ногтях – соответствующий лак. Она протянула мне сложенный лист бумаги. Я развернула его и прочла: *Линде нужно помочь с дробями.*

Из двух комнат мы выбрали ту, что поменьше, и сели там за складной закуской столик. Линда открыла страницу в учебнике, по которому должна была заниматься. На странице изображалась таблица для составления дробей.

Числитель	Знаменатель	Дробь
1	2	1/2
1	3	1/3
1	4	1/4

Похоже, таблицу она уже выучила, поскольку, когда я вписала в нее другие числители и знаменатели – типа 2 и 3, – она без труда расположила их друг над дружкой – типа 2/3.

– Именно так, – сказала я.

Линда вздохнула и направила взгляд в окно.

– Не понимаю, зачем это, – ответила она. Это чувство было мне глубоко понятно. Отодвинув таблицу, я попыталась объяснить смысл дробей. Я нарисовала круг и сказала Линде, что это – пирог. Она приняла раздраженный вид. Я вспомнила, как руководитель программы, пожилой человек, еще со школы работавший с социально незащищенными слоями населения, говорил, что математику всегда лучше объяснять на примере денег, поскольку это сразу показывает ее роль в повседневной жизни. Я открыла в тетради чистую страницу и объяснила, что если числитель – единица, а знаменатель – четверка, то это будет ровно квартал, 25 центов, и что если мы возьмем четыре таких дроби, то получим доллар – то есть полезно уметь делить целое на части и говорить об этих частях.

– Вы наверняка часто имеете дело с дробями, – сказала я. – Просто не знаете, что это так называется.

Линда снова вздохнула.

– Возможно, тебе это и важно, – ответила она. – Но не мне. У меня есть заботы поважнее. Я кивнула, обдумывая, что сказать.

– Дело в том, – произнесла я, – что это нужно для сдачи экзамена по общеобразовательной подготовке. Чтобы его сдать, надо знать дроби.

– Не-а, – ответила Линда. Она по-прежнему смотрела в окно. Я тоже направила туда взгляд. Увидела мусорный бак и пару голубей. Шел дождь.

– В каком смысле «не-а»? – спросила я.

– Не-а, – повторила Линда. – В экзамене ничего нет про пироги. Там спрашивают по этой книжке. Учителя не говорят о пирогах.

Я обдумала ее слова. Обдумала слова об экзамене. Пообещала, что о пирогах больше говорить не будем, а просто займемся учебником. Я открыла следующую страницу. «Теперь вы готовы перейти к сокращению дробей, – прочла я. – Вместо $\frac{2}{4}$ напишите $\frac{1}{2}$ ». Ни иллюстраций, ни объяснений, ничего, что могло бы объяснить, почему $\frac{2}{4}$ и $\frac{1}{2}$ – это одно и то же. Под заголовком «Практические задачи» стоял список дробей, которые требуется сократить. Мысль о том, что нужно объяснить сокращение дробей, не прибегая к пирогам или деньгам, меня ужасно обескураживала.

– Поскольку таблицу вы уже выучили, – предложила я, – то, может, на сегодня закруглимся?

Линда не ответила. А вдруг «закруглиться» – это элитарное словечко, которое употребляют только богачи? – подумала я.

– Может, по домам? – сказала я. – Встретимся на той неделе.

Она кивнула, положила учебник в сумку и ушла.

* * *

– Тебе не нужно заступаться перед ней за дробь, – сказала Светлана. – От нее хотят, чтобы она вызубрила учебник, а не чтобы поняла.

Светлану я застала у меня дома, она сидела за моим столом и усердно писала на розовом листке. Когда я вошла, она даже не подняла глаз. Заглянув через плечо, я увидела, что наш план похода на «Броненосец “Потемкин”» отменяется. Лево́й рукой Светлана перебирала на шее бусы – связку крупных зерен янтаря.

Она поставила подпись с вычурной «С» и вручила мне листок.

– Я написала тебе записку.

Вместо кино мы отправились к ней, устроились на кровати и принялись за чтение «Нины в Сибири». Читать со Светланой было удобно, поскольку все слова она знала из сербохорватского: зачем всякий раз лезть в словарь, когда можно просто спросить у Светланы.

История Нины становилась путаной и печальной. Она выяснила, что Иван работает у дяди в лаборатории и женился на специалистке-геохимике. Но это всё – не точно, поскольку с самим Иваном она еще не говорила, а просто видела рабочий стол с табличкой и запиской от жены.

– Кто пишет эти тексты? – спросила я. На обложке стояло только название – «Русское чтение I».

– Ума не приложу, – сказала Светлана и вернулась к своему учебнику по психологии.

Я вынула 1020-страничный роман «Холодный дом» из серии «Нортон Критикал», он одновременно поглощал меня и отталкивал, словно ужасно длинный чужой сон. Я в сотый раз перечитала одно и то же предложение:

В заключение Воулс присовокупляет добавочный пункт к этой декларации своих принципов, сказав, что поскольку мистер Карстон собирается вернуться в полк, не будет ли мистер Карстон так любезен подписать приказ своему банкиру выдать ему, Воулсу, двадцать фунтов¹².

¹² Перевод М. Клягиной-Кондратьевой.

Вновь и вновь Воулс присовокупляет добавочный пункт о деньгах. Вновь и вновь – мистер Карстон, банкир, не будет ли любезен двадцать фунтов... может быть.

Светлана выделяла какой-то фрагмент про деиндивидуацию, левой рукой перебирая свои янтарные бусы.

– Красивые бусы, – сказала я.

– Что? – откликнулась она.

Я решила, что заставлю ее поднять взгляд.

– Твои бусы, – сказала я. – Они очень красивые.

– А-а, это? Подарок от моего аналитика.

Раз упомянут аналитик, значит, я победила и она сейчас будет говорить, а не читать.

Ее психоаналитик на День благодарения ездил на конференцию в Москву. Это была его первая поездка в Восточную Европу, и всё вокруг напоминало ему о Светлане. Ему постоянно встречались разные Светланы – большей частью тоже аналитики, кроме одной, турагента. В янтарной лавке он засомневался – не нарушит ли он профессиональную этику, купив Светлане подарок. Он посоветовался с одной из русских Светлан, которая помогала ему выбрать подарок для супруги. Та призвала его следовать благородному порыву.

– В принципе, это пустяк, – сказала Светлана. – По его собственным словам, бусы стоят пятнадцатую часть из того, что я заплатила ему с сентября. К тому же, мои выплаты покрывает страховка. В некотором смысле эти бусы – подарок от «Голубого Креста Массачусетса».

Мне не хотелось возвращаться к «Холодному дому», и я спросила ее о медстраховке. Задавая вопрос, я размышляла: ведь «Холодный дом» – это, в сущности, книжка о скучной канцелярщине, но тогда почему же я вместо чтения интересуюсь скучной канцелярщиной Светланы? Светлана широко распахнула глаза. Она сказала, что в страховую форму можно было вписать психологический диагноз, а она однажды видела свой – четырехзначное число, соответствующее номеру статьи в DSM-IV¹³.

– Только представь, – говорила она, – четыре цифры. И в них – то, чем ты страдаешь. – Она спрашивала у аналитика, что скрывается за этими цифрами, но тот не ответил. Он сказал, что значение имеют не слова в DSM, а слова, которые звучат в этой комнате, произносятся между ними. Но Светлана уже мнемонически запомнила эти цифры, они впечатались в ее мозг, и позднее она отправилась в научную библиотеку и отыскала DSM-IV. – Я увидела их на полке в хранилище. Два огромных тома в твердой обложке.

– И?

– И... Я не стала смотреть. Ушла из библиотеки. Потеряла всякий интерес.

* * *

Я стала забывать прочитанное. Всё началось на занятиях по разговорному русскому. На урок я опоздала, они уже читали вслух. Иван подвинул ко мне свой учебник и показал нужное место. Когда дошли до строчки, где Нина смотрит в окно и вспоминает Леонида, Иван наклонился ко мне:

– Похоже, она всё время думает о мужчинах.

– Извини, что?

– Сначала она думает об Иване. Потом – о Леониде. Всегда – о мужчинах.

– Да, точно, – сказала я. – Странно.

Нам с Иваном дали разыгрывать сцену в Новосибирске – ту, которую я читала и о которой размышляла, – но вдруг у меня полностью вылетело из головы, что я должна говорить.

¹³ DSM-IV – 4-е издание классификатора «Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам», использовавшееся в США с 1994-го по 2000 г.

И посмотреть было негде, поскольку книжку я забыла дома. Я стояла в страхе, припоминая лишь, что там какие-то плохие новости для Нины.

– Иван, становись сюда и жди Соню, – сказала Ирина. – Не так, повернись спиной. Соня, иди к Ивану. Нет, не как на похоронах, – ты спешишь. Вот так. – Иван стоял лицом к окну, и Ирина торопливо пошла к нему, озабоченность на лице сменилась восторгом. – Иван!

Мной овладел ужас. Я не могла вспомнить, чтобы Нина встречалась с Иваном. Как я могла забыть такой момент!

Ирина повернулась ко мне.

– Теперь, Соня, твоя очередь.

Я тоже пересекла комнату, пытаясь принять восторженный вид.

– Иван! – сказала я.

Иван повернулся. На лице – абсолютное отсутствие эмоций.

– Добрый день, – ответил он.

– Иван? – сказала я. – Это ты?

– Да, я Иван. Мы знакомы?

– В смысле, знакомы? Я думала, мы друзья.

– Соня, – в голосе Ирины звучал упрек. – Ты сделала домашнюю работу?

– Сделала, честное слово, – ответила я. – Но я почему-то совсем не помню, что там происходит.

Она вздохнула.

– Читай сейчас и вспоминай. Только быстрее!

Иван протянул мне книжку. Читая, я стала припоминать, что это – не тот Иван, а другой, которого зовут почти так же. Зачем вставлять такую идиотскую деталь? – подумалось мне.

– Да, извините, – сказала я. – Я ищу Ивана Бажанова. А вы – другой Иван.

– Да, я Иван Боярский, – ответил Иван. – Мы с вами незнакомы.

– Я ошиблась, – сказала я. – Извините, мне нужно идти.

– Хорошо, – ответил он. – Я отвезу вас на тракторе.

– Спасибо, – сказала я. – В Сибири очень добрые люди.

* * *

Мне ужасно не хотелось идти на «Строительство миров». Увидев значок Красного креста, я вспомнила, как Светлана сдавала кровь, и подумала, что это – неплохой предлог опоздать. Я пошла, ориентируясь по значкам, и оказалась в мезонине языкового корпуса, разделенном на сектора голубыми пластиковыми перегородками.

– Пожалуйста, посидите спокойно, я возьму немного крови, – монотонно произнесла медсестра, поднялась и подошла. Наклонившись очень близко, она провела рукой по моим волосам, и я услышала щелчок.

– Это новинка, – сказала сестра. – Мы теперь берем кровь из уха. – Она показала размытую лиловую мимеокопию карты мира и спросила, не ездила ли я в последние два года в отмеченные регионы. На мелкой карте вся Турция оказалась размером с виноградину. Нижняя часть Турции была выделена.

– Это что, весь юг Турции? – спросила я. Сестра ответила, что это только юго-восточная Анатолия. Я сказала, что бывала в южно-центральной Анатолии. Она ответила, что с медицинской точки зрения это неважно. Затем она спросила, был ли у меня секс с мужчиной, у которого после 1977 года был секс с другим мужчиной, или который получал наркотики или деньги в обмен на секс, или который давал наркотики или деньги в обмен на секс.

– Тут я вас перебыю, – сказала я. Она направила на меня выжидающий взгляд. – В смысле, у меня вообще ни с кем не было секса.

Ее взгляд стал строже, она посмотрела на меня поверх очков.

– Был у вас секс с человеком, который вступал в половую связь в обмен на наркотики или деньги?

В комнате этажом ниже были зашторенные зеркальные окна. Я легла на стол. На потолке я увидела карточку: «Простой вопрос: в каком направлении вращается Земля – по часовой стрелке или против, если смотреть с Северного полюса?»

– Хорошие вены, – сказала сестра.

– Спасибо, – ответила я.

Пульс в моем предплечье замедлился, кисть – похолодела. Я думала о лиловой карте, о карте Анатолии и о том, как вращается Земля. В итоге я нашла ответ, вспомнив песню, где строчка «beauty and the beast» рифмуется с «rising in the east»¹⁴. Ко мне приблизился белый силуэт, похожий на воздушный змей.

– У некоторых она течет медленнее, – произнес голос.

Казалось, время стало мягким и липким. Парня с соседнего стола уже отпустили, хотя он пришел позже меня. Свой мешок крови он уже набрал. Эй, сердце, видишь? Ты видишь? Ты учишься? Чему ты можешь учиться? Я поймала себя на мыслях о Нине, которая всегда думала о мужчинах, а потом решила подумать об Иване, и пульс участился. Может, так я ускорю процесс?

– Впервые сдаете? – спросила женщина.

– Да, – ответила я.

– Я так и подумала.

Когда иголка была в вене, я ее не ощущала, а когда вынимали – почувствовала.

* * *

На наш второй урок Линда тоже опоздала. Я сидела на детском стульчике и сквозь треснутое окно разглядывала мусорный бак, из которого теперь торчал диван. Ноги затекли, я поднялась, провела инспекцию паучника и выкинула сухие листья в корзину. Потом принялась вышагивать по трем комнатам, отведенным на обучение взрослых, – в темный холл и назад, через два смежных класса и лобби. Я кружила и кружила по этому контуру, словно неотвязная мысль.

Линда явилась через сорок минут. Мы пошли в класс поменьше и сели за тот же складной столик. Она плюхнулась на стул, будто много дней провела на ногах. Я спросила, что новенького в учебнике про дроби. Она пролиставла книжку серебристо-лиловыми коготками и открыла ее на уроке о том, как переводить «смешанные дроби» типа $2\frac{1}{2}$ в «неправильные дроби» типа $\frac{5}{2}$.

Я вспомнила, что три пирога тут не пройдут. И подумала, как славно было бы сейчас сидеть и есть пирог. Я пыталась найти самый простой способ натаскать ее на решение этих примеров. – Тут нет ничего страшного, – сказала я. – Просто умножаете цифру внизу на цифру слева. Потом прибавляете верхнюю цифру – и готово.

Опустилось молчание.

– У меня столько всякой фигни поважнее, – сказала Линда. – Ты даже не представляешь.

– Наверное, экзамен по общеобразовательной подготовке – это тоже важно?

Она уставилась на меня.

– А кто *ты*? Чем ты занимаешься весь день? Это твоя работа?

¹⁴ «Красавица и чудовище», «встает на востоке» (англ.); из главной музыкальной темы диснеевского мультфильма «Красавица и чудовище».

– Я... Я студентка, – ответила я. Руководитель программы особо предупредил нас, чтобы о Гарварде мы даже не заикались и отрицали, что мы студенты, даже если спросят в лоб. Но он забыл упомянуть, кем именно мы должны представляться.

– *Студентка?* – Вид у нее был пораженный. – И ты учишь вот эту хрень?

– Ну, не совсем эту хрень. Я занимаюсь другими вещами. Но когда-то проходила и дробь, да.

Она покачала головой.

– Ты понимаешь, что я говорю? Мне некогда этим заниматься.

– Я понимаю, что вы говорите, – ответила я. – Но разве это – не вопрос выбора? Если вы не хотите приходить сюда, вас никто не заставляет. Но если вы *хотите*, то тогда мы должны учить дробь.

– Выбор? – Она фыркнула. – Тут ни у кого нет никакого выбора. Учитель сказал, что я должна сюда ходить.

Она спросила, где Итан. Это другой ее преподаватель. Я ответила, что он приходит по вторникам. Она спросила, почему бы ему не приходить по пятницам. С этим ничего не поделать, ответила я.

Она вздохнула.

– Он, по крайней мере, не студент.

Я не стала ее разочаровывать и тоже вздохнула. – У вас есть домашняя работа на проверку?

После долгой паузы она вынула потрепанный листок газетной бумаги с задачами на сложение дробей. Это была домашняя работа, и она ее выполнила. Я поправляла решения карандашом, а она тем временем сидела, уставившись в окно. Верно решены четыре примера из десяти. Я вернула ей листок и объяснила ошибки. Она не смотрела на меня и не подавала никаких признаков того, что я здесь. Я написала ей несколько новых задач, похожих на те, где она сделала ошибки.

– Если хотите, вы можете оставшееся время порешать эти примеры.

Она по-прежнему на меня не смотрела, но через пару минут взяла листок и принялась за сложение дробей. Настал мой черед глядеть в окно. Под скрип этого жуткого карандаша и хлопки жевачки.

Усердно работай, забудь обо всём

Когда Нина вышла из лаборатории, снег и небо уже начали приобретать темно-синий цвет. Вдали сверкали огни «Сибирской искры». Она пошла навстречу им, размышляя, что делать дальше. Вернуться в Москву? Но Москва лишь напомнит ей о том, что она хочет забыть...

Нина постучалась в колхозные ворота. У нее было дело к директору. Она хотела поработать здесь пару недель.

Директор очень обрадовалась.

– Для хороших работников у нас двери всегда открыты, – сказала она.

Нина много работала и не думала почти ни о чем: ни об Иване, ни о физике. Она даже потеряла свой учебник. Ей было всё равно. Ее волновали лишь кроткие олени и лоснящиеся лисы. Какое счастье – усердно работать и обо всём забыть!

Нина подружилась с Иваном Боярским – Иваном-2, как она его называла, – и с его прекрасной женой, украинкой Ксенией. Порой Нина спрашивала себя: «А что если бы Иван-2 не был женат?» Могла бы она тогда влюбиться в него? Удивительно. Почему все Ивановы на свете женаты?

Шли недели. Наступил Новый год. Нина, Иван-2, Ксения, директор и все работники пили «Советское» шампанское.

– С Новым годом! – говорили они друг другу.

Однажды темным зимним вечером директор сказала, что к Нине пришли.

– Кто это может быть? – подумала Нина.

У дверей в кабинет стоял Леонид. В руках он держал Нинин учебник по физике.

– Леонид! – сказала Нина. – Как вы меня нашли?

* * *

Светлана спрашивала своего психиатра, когда она поправится? Тот ответил, что это неверная постановка вопроса. Видимо, люди в этом смысле не «поправляются». Тогда Светлана спросила, когда она сможет нормально функционировать, и он ответил, что года через два. Поначалу, говорила она, срок показался ей вечностью, но, поразмыслив, решила, что это не так уж и долго.

– А что значит «нормально функционировать»? – спросила я.

– Это значит быть способной взглянуть в глаза прошлому. Иметь нормальный секс. Не лежать без сна всю ночь в приступах тревоги.

– Хм. Думаешь, большинство людей глядят в глаза прошлому и имеют нормальный секс?

– Да, я так думаю, – сказала она. – В любом случае, даже если их меньшинство, среди них должна быть я. В глубине души у меня есть талант к благополучию. Я это чувствую.

Я кивнула. Мне тоже казалось, что талант к благополучию у нее определенно не отнимешь.

* * *

В студенческой газете мы прочли, что из окна третьего этажа психологического корпуса выпрыгнул раздетый первокурсник. Сугроб смягчил падение, и сейчас он в больнице проходит курс экспозиционной терапии. Газета не называла имени, но уже к обеду все первокурсники знали, что это – Итан из Пеннипакера¹⁵.

У Диккенса, подумала я, оказалось бы, что выпрыгнувший из окна Итан – тот же Итан, который учит Линду. Но поскольку дело происходит в реальной жизни, этот Итан, скорее всего, не тот. Дефицита Итанов определенно не наблюдалось.

Тем не менее после обеда мне позвонил директор программы и попросил заменить обычного учителя Линды, поскольку тот приболел. Я ответила, что у меня занятия. Он стал говорить об обязательствах перед учащимися района, которым, чтобы изменить свою жизнь, приходится идти на жертвы. И мы тоже должны принести свою жертву, должны подать им пример, поскольку в прошлом им уже столько раз приходилось разочаровываться. Все его слова, конечно, имели смысл, но мне всё равно казалось несправедливым, что он на меня орет. Ведь я даже не прыгала из окна.

* * *

Линда трижды спросила меня, что с Итаном.

– Выпрыгнул из окна, – в итоге ответила я. – Но не волнуйся, с ним всё в порядке.

– Из окна? – Она обернулась и посмотрела на окно, словно тоже подумывая о прыжке.

¹⁵ Пеннипакер-Холл – одно из гарвардских общежитий.

Сегодня проходили вычитание дробей. Почему вычитание всегда труднее дается, чем сложение?

Когда я шла к автобусной остановке, на улице кружилась взвесь ледяного дождя. Автобус оказался не таким набитым, как обычно. Свободных мест не было, но зато имелось достаточно пространства, чтобы вынуть плеер и время от времени глядеть в окно между головами пассажиров. Настроение улучшилось. Порой удивляешься, как такая мелочь может приободрить тебя или расстроить при прочих равных условиях.

Но тут что-то случилось, и вот – я на полу автобуса, тет-а-тет с чьей-то обувью и моллюском жеваной резинки, свернувшимся в фольге. Рядом – плеер с открытой крышкой и вращающимися роликами. На полу вместе со мной – еще несколько пассажиров и бумажный пакет с апельсинами.

Наш автобус врезался в зад «мерседеса». Водитель «мерседеса» вышел из машины, встал у кабины и принялся орать на водителя шаттла. Наш водитель тоже вышел, чтобы показать, что умеет орать не хуже. Выглянув в окно, я увидела, что мы уже почти на Централ-сквер. Я протиснулась вперед, вылезла через водительскую дверь и пошла к учебным корпусам.

Вскоре ледяной дождь сменился снегом, и всё вокруг сделалось красивым, приобрело новую значимость и новый смысл. Поскольку время ужина уже час как миновало, я в местном магазинчике купила йогурт и плитку шоколада. Все предметы в магазине казались сверхчеткими и ясными – стойка с газировкой, холодильные полки с йогуртом, красный огонек сканера.

На следующий день я позвонила руководителю программы и сказала, что больше не буду вести математику.

– Вы должны помнить, – ответил он, – что не все люди – студенты Гарварда. Вам нужно учиться смотреть на вещи с чужой точки зрения. Представьте, что к вам домой приходит белый привилегированный аристократ моложе вас и говорит: «Вы должны знать это, это и это, и тогда вы сможете стать частью моего общества». Вы что же – сразу доверитесь ему?

Я обдумала его слова.

– Не знаю, – сказала я, – но с общеобразовательной программой покончено. Если вам понадобится преподаватель ESL, дайте знать.

– Налаживание хорошего взаимопонимания требует времени, – сказал он.

– Я вешаю трубку, – сказала я.

Он вздохнул.

– Я свяжусь с вами по поводу ESL.

* * *

Я решила ходить со Светланой на тхэквондо. Сначала мы босиком бегали по кругу. Зброшенные лодыжки и ступни давали о себе знать. За стеклянной стеной зала располагался бассейн, где в тот момент шла тренировка по дайвингу. Как все эти люди поняли, что хотят научиться нырять со скубой?

Вместе со мной в углу стоял парень с зеленым поясом, он демонстрировал первый «туль» – серию танцеподобных движений, которые, по идее, должны защитить тебя в случае нападения. Я не могла понять, как танец может послужить защитой, если, конечно, атакующий сам им не владеет, а если владеет, то зачем ему нападать на тебя именно так?

В конце тренировки все уселись на пол смотреть, как продвинутые ученики будут по очереди разбивать деревянные доски. Доски держали два тренера – один поразительно высокий, а другой – чрезвычайно низкий. Последним вышел самый продвинутый ученик – с коричневым поясом. Высокий тренер решил, что одной доски мало, и взял еще несколько штук. Коричневый пояс ухмыльнулся, выполнил серию декоративных движений и нанес по дереву удар рукой. Ничего не случилось. Он покраснел и нанес второй удар. На третий раз послышался треск. И

наконец после четвертого удара на пол посыпались щепки, стук которых сопровождался громкими выкриками поддержки. Лицо парня оставалось красным, он поклонился тренерам и сел обратно на пол.

– Тут еще пара досок, – сказал высокий тренер, обводя внимательным взглядом учеников. – Светлана, ты готова?

Светлана мельком улыбнулась ему робкой улыбкой, какой раньше я у нее никогда не замечала, и встала напротив класса, растирая ноги.

– Сейчас я выполню несколько упражнений ногой, – объявила она. При каждом ударе ее пятка попадала точно в центр доски. Она повторила это же движение еще раз и еще.

– Думаю, Светлана, ты справишься, – приговаривал тренер, пока она своей крепкой розовой пяткой молотила по центру доски.

– Теперь вы всё будете знать о моих обсессивных наклонностях, – сказала Светлана. Она отступила на шаг назад и сделала глубокий вдох. Улыбка исчезла. Ее нога, словно курок, вылетела вперед, и доска развалилась надвое.

* * *

Однажды утром по дороге на лекцию о Бальзаке я вдруг совершенно четко осознала, что этот парень, профессор, не расскажет мне ничего полезного. Несомненно, он *знал* множество полезных вещей, но не собирался о них говорить; он, скорее, снова поведает нам, что Бальзак изобразил Париж во всеобъемлющих деталях.

Вместо лекции я отправилась в подвал студенческой библиотеки, где хранятся правительственные документы. В других залах ноутбуком пользоваться не разрешали, поскольку остальным студентам мешает стук клавиш. Я открыла файл pinkhotel.doc¹⁶ и начала писать.

В розовой гостинице ничего хорошего не происходило. Дело было в Токио. Одна семья остановилось там на две ночи. Отец семейства, кинорежиссер, собирался снимать документальный фильм о деревенской соловьиной ферме. Соловьиные гнезда использовались в производстве косметического крема. Проведя две ночи в Токио, отец с ассистентом отправились на ферму. Внезапно заболевшая мать не могла выехать из гостиницы, и ей с двумя дочерьми пришлось остаться там. Старшая дочь была влюблена в ассистента. Младшая же вела себя как сущая зараза. Рассказ так и назывался, «Зараза» – как бы аллюзия на «Чуму» Камю. Весьма тяжелый рассказ.

* * *

В недели, оставшиеся до зимних каникул, я совершала одинокие пробежки вдоль реки. Светлана не любила бегать по снегу, да и считала, что в темноте у речки небезопасно. Я же – в термобелье, ударостойких кроссовках и наушниках – чувствовала себя вполне изолированной и защищенной. В поле зрения, словно за стеклом, мелькали пейзажи. По одну сторону дорожки свет натриевых фонарей сверкал в полузамерзшей реке и отражался от низких облаков, а по другую – горящие пары автомобильных фар увеличивались в размерах и проносились мимо.

Однажды около одиннадцати вечера из темноты материализовался велосипед.

– Привет, Соня! – крикнул велосипедист, и только когда он исчез, я поняла, что это – Иван.

Я вернулась домой, из душевой вышла уже после полуночи, но усталости абсолютно не ощущала и чувствовала себя как в два часа дня. Высушив волосы, я вскипятила чайник и

¹⁶ Pink hotel (англ.) – розовая гостиница.

погрузила в чашку пакетик «клюквенного чая» из столовой. В комнате играла запись, которую я нашла на полке «Всё за доллар» магазина «Кристис», – скрипичный концерт Хачатуряна, дирижер Арам Хачатурян. Если внимательно прислушаться, то слышно, как кто-то покашливает – не исключено, что сам Арам Хачатурян.

Потом я читала. У Нины в кои-то веки дела налаживались, но мне всё равно не нравилось, что Леонид оказался бывшим Галининым парнем. Зачем вообще в этой истории отвергнутый бойфренд Нининой соперницы? Что это – сюжетная экономия или заявление о мироустройстве: типа, брошенные – как раз друг дружке пара?

В два часа ночи я принялась за уборку, хотя бардак в комнате был не таким уж и страшным. Из мемуаров Олега Кассини, валявшихся у меня под кроватью, я узнала, что он тоже страдал от бессонницы. Однажды ночью, пробудясь от тревожного сна, Кассини услышал, как первые строчки «Ада» Данте «металлически грохочут в подсознании: “Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу”¹⁷». На этих жутких словах по моим рукам пробежал холод. Я понимала, что речь идет о «кризисе среднего возраста». Но тут возникло ощущение, что мы *всегда* были и будем в середине нашего жизненного пути – возможно, до самой смерти.

Я проснулась в 9:07. Уставилась на часы, размышляя, что делать – остаться в постели, пойти позавтракать или же с опозданием бежать на русский. Так странно было представить, что все уже там, что в эту самую секунду идет занятие и весь класс – в сборе. 9:09.

Через пару минут порывистый ветер сдувал с ветвей сухие снежинки на мои щеки, еще теплые после подушки. Я опоздала на двадцать минут. В классе сидели только Иван и Борис. Ирина мне обрадовалась – ей не очень нравилось, когда на уроке только парни или только девушки. Она попросила меня встать рядом с Иваном и изложила свою идею: пусть Иван изобразит того Ивана, Нининого.

– Вы в итоге встречаетесь, – сказала она. – В Сибири. Понимаете?

Мы ответили, что понимаем, и встали друг напротив друга.

– Иван, – сказала я. – Ну вот мы и встретились.

– Это так, – сказал он.

Дальше мы стояли молча.

– Иван, – сказала Ирина. – Ты ничего не хочешь рассказать Нине?

– Ну, – произнес он. Посмотрел на пол, потом – на меня. На лбу появились морщины. – У меня есть жена, – произнес он. – И это – не ты.

Я знала, что эта сцена – понарошку, что она – всего лишь текст. Но внутри у меня всё опустилось, дыхание перехватило, а в груди поднялась волна тошноты. Я поняла, что надеялась услышать слова оправдания: может, он шпион или он скрывается от обвинений в преступлении, которого не совершал. Надеялась услышать, что его брак – фиктивный.

Ничего на самом деле не случилось, – уговаривала я себя. Даже *в самом* рассказе Нина всё время знает, что Иван женат. Это не новость. Ничего не изменилось.

Но даже в конце занятия я еще немного злилась на Ивана – так в реальной жизни сердисься на человека, который сказал тебе что-то дурное во сне. Вопреки обыкновению, я не стала спускаться с ним по лестнице, а пошла к лифту.

* * *

На каникулы я ездила домой в Нью-Джерси. В целом там всё осталось по-прежнему, но кое-что слегка изменилось. Гипсовый ослик сестер Оливери так и стоял под ивой на подъездной дорожке, но стал капельку меньше. Внутри дома царил невообразимая чистота, как на

¹⁷ Перевод М. Лозинского.

месте преступления. Мать наняла уборщицу. В кухонном шкафу оказался рис басмати, которого там отродясь не бывало. Мать сказала, что после моего отъезда счет за воду сократился на 80 процентов.

На ужин мать пригласила коллег. Для приглашения был какой-то повод. Меню она составила по самой популярной поваренной книге. Мне досталось готовить десерт – малиновый пирог из светлого «ангельского» бисквита с малиново-миндальным соусом. Мне никогда прежде не доводилось готовить «ангельский» бисквит, и я пришла в восторг, когда тесто начало подниматься, но я открыла духовку слишком рано, и поэтому в центре пирога оно осело, подобно гибнущей цивилизации.

Коллеги матери оказались карикатурно-жуткими. Было трудно поверить, что это гематологи: сама мысль о том, что они, по идее, должны улучшать состояние больных, представлялась комичной.

– Пройдет пятнадцать лет, и на отделении останутся лишь унылые лица, – заявила завотделением с галстуком-бабочкой на шее.

Я расхохоталась. Все посмотрели на меня.

– Я просто не ожидала услышать это от вас, – объяснила я. Мать принесла пирог, который к этому моменту сделался совсем плоским.

– Вижу, вы нам приготовили лепешку. Это намек? – спросила одна из гематологов. Материн бойфренд Стив сказал, что это – пирог «Падший ангел». Мы ели его с малиновым соусом. Если представлять, что ешь блин, то очень даже ничего.

Потом мы с матерью смотрели «Звуки музыки». Из-за рекламы он шел больше четырех часов. Мать подпевала Джули Эндрюс: «Ребенком сделала, наверно, я добро». Она сказала, что, скорее всего, тоже сделала добро, но когда ребенком была я, поскольку из меня вышел толк.

А мое внимание привлекла песня монашек: «Решишь ли ты проблему наподобие Марии?» Можно было подумать, будто Мария – это и есть их проблема, что это – эвфемизм.

Мать перечитывала «Анну Каренину». По ее словам, «Каренина» – о том, что на свете есть два типа мужчин – те, которые очень любят женщин (Вронский, Облонский), и те, которые не очень (Лёвин). Вронский поначалу помог Анне повысить самооценку, поскольку очень любил женщин, но при этом ее он любил недостаточно и ей пришлось свести счеты с жизнью. Лёвин же, напротив, казался нелепым, скучным, занудливым, сельское хозяйство ему было важнее Китти, но зато он более надежный партнер, поскольку в глубине души женщин любит не очень сильно. То есть Анна сделала неверный выбор, а Китти – верный. Вот что думала мать по поводу смысла «Анны Карениной».

В Нью-Йорк я добралась поездом и отправилась посмотреть елку в Рокфеллеровском центре – предмет, который, в отличие от ослика сестер Оливери, видели миллионы людей. Потом в Музее современного искусства я разглядывала советские пропагандистские плакаты. На одном изображалась железная дорога под названием Турксиб и какие-то люди тюркской внешности, чьи головы, по всей видимости, переезжал поезд. Мне стало любопытно, у какого из этих двух предметов за всю их историю набралось больше зрителей – у елки или у плаката?

* * *

Итоговые экзамены мы сдавали не до каникул, а после. Все, кто посещал семинары или языковые занятия, должны были приехать в кампус на сессию, начинавшуюся второго января. Мать негодовала и сожалела, что у меня такие короткие каникулы, но мне, пожалуй, хотелось вернуться.

В начале января атмосфера в поезде кардинально отличалась от середины декабря. В декабре там ехало полно студентов: студентов, свернувшихся калачиком в позе зародыша, студентов, сидящих скрестив ноги, на полу, студентов со всеми своими студенческими аксессуа-

рами: спальники, гитары, графические калькуляторы, сэндвичи, состоящие на 99 процентов из латука, «викинговская» «Антология Юнга». Я слушала плеер и читала «Отца Горио». Бывший владелец книжки Брайан Кеннеди методично подчеркивал предложения, которые мне казались самыми бессмысленными и бессвязными во всем тексте. Слава богу, я не влюблена в Брайана Кеннеди и не страдаю манией расшифровки его мыслей.

В январе пассажиры малочисленнее, старше и трезвее. Я подумала о превращении ребенка в старика. Загадка сфинкса. Не такая уж и сложная. В Коннектикуте легкий снежок перешел в снегопад, он быстрыми волнами опускался ниже и ниже, словно веки ночного вахтера. Я отправилась в вагон-ресторан, где окна побольше. Там пахло кофе – запах стремления к осознанности. В одной кабине человек в костюме уплетал слойку. В другой сидели три девушки и занимались.

– Селин, привет! – сказал одна из девушек, и я узнала в них Светлану, Ферн и Валери. Увидев их рядом, я обратила внимание, насколько голова у Светланы больше, чем у ее соседок. Меня вообще удивляло, что одни люди физически крупнее других.

– Обычно я возвращаюсь на шаттле, – сказала Светлана. Под «шаттлом», очевидно, подразумевался самолет. – А сейчас я думаю, что теперь всегда буду ездить поездом, здесь так спокойно, – продолжала она. – Стыдно сказать, но полеты внушают мне ужас, даже если лететь всего час.

Мы побеседовали о предстоящей сессии. У нас со Светланой были занятия по русскому, а у Валери – семинар по физике, у того самого нобелевского лауреата, который заставляет мыть лабораторное оборудование.

– Это так несправедливо, – жизнерадостно говорила Валери. – У брата – целый месяц каникул, а я сразу после Нового года должна ехать назад – поливать кислотой изношенные катоды, потому что профессор жмотится купить новые.

– Он заставляет их пользоваться канцерогенными растворителями, – вставила Светлана.

– Они еще не признаны канцерогенными, – сказала Валери.

Ферн ходила только на лекции и лабораторные и ехала, по ее словам, в основном из-за растений.

– Да мне и не нравится столько времени торчать дома, – добавила она.

На покрытый восьмью дюймами снега Бостон опускались сумерки. Мы совершили ряд оплошностей: сели на метро, а не в такси, и проехали несколько остановок в сторону Брэйнтри вместо Эйлуайф.

– Норт-Квинси, – произнес цифровой голос, и двери отворились в мерцающую темноту.

– Это разве не в другой стороне? – спросила Валери.

Мы выглянули в открытую дверь. Она закрылась.

– Следующая остановка Уоллэстон, – сказал робот.

На Уоллэстоне мы долго не могли найти переход на противоположную платформу. У Светланы, кроме чемодана, были еще две огромные спортивные сумки.

– Не знаю, зачем я тащила всё это с собой, – вздохнула она. Самую тяжелую сумку вверх по лестнице волокли мы с Валери.

Кампус обезлюдел. В столовой была освещена только половина зала, на единственной работающей линии продавали спагетти и консервированные персики. В пустом помещении наши голоса казались чем-то исчезающе маленьким.

В моем блоке царило невероятное спокойствие – казалось, можно услышать, как падает снег. Анжела всё еще гостила у своей семьи, а Ханна из-за снега застряла в Сент-Луисе. Она постоянно писала мне об этом имэйлы – порой в стихах.

Утром начался русский. Иван отсутствовал. Нам велели рассказать о каникулах.

Я пыталась заниматься в общежитии, но там было слишком тихо. Стоило поднять глаза, я тут же встречала испытующий взгляд Эйнштейна. «Ну что теперь?» – казалось, говорил он.

В итоге я отправилась в библиотеку и села там на пятом этаже у окна, смотрящего на ресторан «Гонконг», незаконное здание, игравшее огромную роль в воображении Ханны. «Представь – заказать *ролл с красным яйцом*», – частенько говаривала она. По соседству с «Гонконгом» располагался «Баскин-Роббинс» – абсолютно темный, лишь мерцают лампочки холодильников. Его закрыли еще в начале зимы.

Пятый этаж библиотеки пустовал, и хотя в обычное время пользоваться компьютерами здесь нельзя, я вынула ноутбук и принялась писать о людях в розовой гостинице.

Выглянув в окно, я увидела, что в закрытом «Баскин-Роббинсе» стоят двое в окружении ножек перевернутых стульев на столах. Один из них то ли был невероятно толст, то ли носил огромное пальто.

В два часа ночи библиотека закрылась, и я пошла по свежему снегу домой. Небо расчистилось, показались звезды. Даже от самой близкой звезды свет доходит до твоих глаз уже четырехлетним. Что через четыре года будет со мной? *Неопределенное время: где ты? Через четыре года я уже дойду до тебя.*

Мне не спалось. Я мысленно считала до пяти утра. В полдевятого пошла на русский. Иван по-прежнему отсутствовал.

Аэропорт открылся, и вернулась Ханна. Она ужасно радовалась. По ее словам, у них дома нужно вести себя очень тихо и всегда ходить в носках из-за белых ковров и душевнобольного старшего брата. Я никогда прежде не задумывалась о домашней жизни Ханны и о том, почему именно она производит столько шума.

Сила связей

Нина стояла в поле с оленями. Вдруг она увидела, как через тундру к ней быстро шагает мужчина.

– Нина? – сказал мужчина.

– Профессор Резников! – воскликнула Нина, узнав своего московского профессора.

– Как я рад! А знаешь, Нина, я думал о тебе! Я, видишь ли, приехал в Новосибирск встретиться с профессором Бажановым. Мы с ним ставим революционный эксперимент вместе с иркутскими учеными, и нам нужен новый ассистент.

– Ассистент? – повторила Нина.

– Нина, я буду откровенен. Слышал, у тебя сейчас некоторые проблемы в личной жизни. Но, надеюсь, ты не бросила физику. Я знаю, что ты талантлива и что из тебя выйдет хороший физик. Будешь нашим ассистентом в Иркутске?

– С удовольствием! – ответила Нина профессору Резникову.

На прощание работники фермы подарили Нине меховую шапку. Нина пообещала писать им письма, а они пообещали отвечать.

Леонид с Ниной поехали в аэропорт. Леонид летел прямо в Иркутск. Нине же сначала нужно было вернуться в Москву, чтобы уладить дела. Ее отец безмерно обрадовался, увидев ее живой и здоровой и узнав, что в Сибири она нашла новую интересную работу. Через неделю Нина улетела в Иркутск.

Нина смотрела в иллюминатор. «Снова Сибирь», – подумала она. Потом стала размышлять о новой жизни, которая там начнется.

* * *

В четверг с утра по дороге на разговорный русский я забрала в магазине пакет со свежестопеченными фотографиями розовой гостиницы. Я еще старалась держать пакет приоткрытым, как уже входила в класс. Даже не оглядывая аудиторию, я поняла, что Иван – здесь.

Оказалось, у нас устный экзамен. Там были два профессора, которые пришли нас послушать, и магнитофон. Нас попросили назвать в микрофон имена и фамилии – наши настоящие имена, чтобы они могли ставить баллы.

– Иван Варга, – громко произнес Иван в микрофон и передал его мне. Я раньше не знала его фамилию.

Нам предстояло разыграть начало «Нины в Сибири», вслух объясняя все наши действия и мысли и употребляя как можно больше грамматических конструкций. Я была совершенно не подготовлена, но вдруг ощутила невероятную, беспрецедентную легкость в речи.

– Сейчас я должна говорить с отцом Ивана, – сказала я. – Прекрасно. Он меня не любит. И никогда не любил. Я знаю, что он сейчас своим угрюмым голосом произнесет: «Бог его знает». Да, со мной вечно так.

Все рассмеялись. Я поняла, что присутствующие сочувствуют Нине, ее объективным обстоятельствам, столь аномальным и скверным. Внутри мира этого рассказа никто не упоминал или не признавал, что происходящее – аномально, и поэтому читатель склонен принимать всё без вопросов. Но стоит тебе указать на эту аномальность с фактами в руках, как люди в реальном мире сразу распознают ее и начинают смеяться.

Я поймала себя на том, что вспоминаю, как в детском саду воспитатели показывали нам «Дамбо» и как я впервые поняла, что все дети в классе, включая даже главных задира, болеют *против* мучителей Дамбо. Вновь и вновь они хохотали и аплодировали, когда Дамбо добивался успеха или когда что-то нехорошее случалось с его врагами. Но ведь это же *вы*, – думала я про себя. Как они могли не видеть? Они не понимали. Эта истина меня поразила, я была ошеломлена. *Все считали себя Дамбо.*

Я потом неоднократно наблюдала это явление. Даже самые гадкие девчонки – из тех, что организуют тайные клубы для травли других, одетых победнее, – даже они всегда с восторгом наблюдали триумф Золушки над ее сводными сестрами. Они ликовали, когда принц ее целовал. Они, очевидно, не только считали себя благородными и добродетельными, но еще и хотели любить и быть любимыми. Возможно, в отличие от меня, быть любимыми не всеми подряд. Но *с тем самым* человеком они были готовы вступить в отношения, основанные на взаимной нежности. Значит, «Дисней» неверно изображал злодеев, поскольку те у него всегда были злыми, очень этим кичились – и никого не любили.

* * *

На «Строительстве миров» мы по очереди представляли построенные нами миры. Хэм принес комплект крошечных свинцовых монстров-гуманоидов и расставил их на столе в некой шахматоподобной конфигурации, отражавшей переломный момент в долгой войне, которую они вели. Каждая порода, или армия, обладала своими особенностями: продолжительность жизни, сверхсилы и слабости. Некоторые умели, словно пауки, выстреливать из ноги паутину. Другие не боялись боли. А третьи вообще на самом деле были растениями. Сверхсила это или слабость – оставалось неясным.

Один из студентов просто скопировал мир «Звездных войн». Сходство со «Звездными войнами» было абсолютным, если не считать древних валлийских имен у персонажей.

Другой студент нарисовал акварельные иллюстрации к рассказу, который написала его подружка. Сам рассказ нам читать не разрешили, поскольку подружка – она жила в Миннесоте – отличалась застенчивостью, но там, видимо, было что-то про полуголую девушку, одиноко жившую на побережье. На одной из акварелей с подписью «Если бы вы могли забрать меня с собой» изображалась коленапреклоненная девушка на песке, разглядывающая каких-то птиц. На другой она привязывала к рукам пальмовые листья («Они похожи на перья»). На третьей ее тело лежало у подножия утеса.

Американские китайцы-близнецы Кевин и Сэнди, которые посещали подготовительные медицинские курсы, принесли по серии мрачных экспрессионистских гравюр на дереве. У Кевина это были иллюстрации к роману «Наоборот», в том числе – вид снизу с инкрустированной драгоценностями черепашкой, ползущей мимо камина и отбрасывающей огромную тень на восточный ковер.

У Сэнди на всех гравюрах изображались церкви.

– В чем здесь сюжет, где здесь мир? – спросил Гэри. Сэнди ответил, что все эти церкви – в Венгрии. Это – сюжет и их мир. Гэри сказал, что одного факта про Венгрию для нарратива будет маловато. Что это – вообще не нарратив. Сэнди ответил, что нарратив он добавит к следующему занятию.

Руби, широкоплечая полукитайка из Арканзаса, сняла видео под названием «Перемываем косточки». Начинается оно с того, что Руби на кухне держит в руке крупную кость из папье-маше. «Папочка, я нашла косточку. С кем мы еще ее перемоем, как не с тобой?» – медленно произнесла она. У нее было удивительное лицо – приунывшие неулыбчивые губы и асимметричная челка.

В следующем кадре плохо сфокусированный низенький азиат в желтой рубашке стоял у какого-то здания. Он вроде бы улыбался и качал головой.

«Это вильчатая кость? – спрашивала Руби. – Может, я покажу ее врачу? Или палеонтологу?»

Позднее Руби объяснила, что этот ролик о том, как она злится на отца.

– Понимаете, в идеальном мире, – сказала она, – отец сел бы в самолет и реально занялся бы чем-нибудь, что для меня важно. Но он, разумеется, слишком большой урод. В общем, я однажды нашла вот этого старика на Сентрал-сквер, он довольно похож на отца. Друга, который помогал мне снимать, рядом не оказалось, так что эту часть я делала сама. Сначала меня бесило, что чувак не хотел ничего говорить. Я заплатила ему десять баксов, чтобы он прочел строчки, которые я дала, а он просто стоял, качал головой и улыбался. Но потом я поняла, что это неплохо символизирует мои отношения с отцом, и фильм только выигрывает.

* * *

Мы с Ральфом собирались вместе поужинать. Я пришла в столовую раньше и остановилась у компьютерного терминала. Меня ждало новое письмо. В нем говорилось, что все скидываются по два доллара на торт к чьему-то дню рождения. Еще оставалось время, и я нажала на клавишу C, чтобы создать новое сообщение, а потом в адресной строке набрала Varga – просто посмотреть, что произойдет. Волшебным образом там появился электронный адрес и полное имя: Ivan Varga. Это был Иван.

Поразмыслив пару секунд, я принялась писать.

Иван!

Когда ты получишь это письмо, я буду уже в Сибири. Бросаю колледж, поскольку вопросы артикуляционной фонетики меня больше не волнуют.

Жить и работать буду в Новосибирске, в колхозе «Сибирская искра». Знаю, что ты поймешь меня и что так будет лучше. Я никогда тебя не забуду.

Твоя Селин (Соля)

* * *

Мы со Светланой планировали вместе пойти на тхэквондо, но на встречу она не явилась. Я было решила тоже не ходить, но это означало бы, что я туда хожу только из-за Светланы, а не из чистого, бескорыстного интереса к тхэквондо. Я понимала, что это неправильно – заниматься какими-то вещами лишь из-за того, что ими занимается другой человек. «Другой человек» не должен служить мотивом.

Большая половина студентов еще не вернулась с каникул. Я была единственной из новичков. Пока остальные занимались своими тулями с тренером-коротышкой, другой тренер, Уильям, повел меня в боковую комнату учить ударам ног.

– Большинство людей считают, что круговой удар – в колене, – объяснял Уильям, – а на самом деле он – в бедре.

– Нужно, чтобы ты сосредоточилась на своем бедре, – сказал он. Я пообещала постараться. Но когда комната такая маленькая, а его тело – такое большое, и белая форма почти не скрывает длинные, тяжелые, покрытые темными волосами руки и ноги, трудно сосредоточиться на чем бы то ни было. Он выбросил вперед, в сторону мешка, свою огромную голую ногу, и я почувствовала, что мне бы лучше отвести взгляд, но в то же время приходилось быть внимательной, ведь он искренне хотел научить меня круговому удару.

– Главная ось – в бедре, – сказал он. Своими движениями он как бы корректировал положение моего бедра, но меня не касался. В этом заключается философия тхэквондо: максимальная энергия, но никакого контакта. – Ты должна представить, будто стоишь на единичной окружности, на единице, – продолжал он. – Твое бедро – это синус, а колено – косинус. Косинус на единице стабилен, как и твое колено. Косинус не сдвинуть даже при желании – разве что дикими способами, о которых мы и думать не будем, а то покалечишься. А вот стоит совсем капельку изменить синус, и ты уже *летишь* по этой окружности. Понимаешь, о чем я?

* * *

После занятий я отправилась к Светлане. Она сидела на полу с лихорадочным румянцем на щеках, а на коленях – бежевый дисковый телефон.

– Ты уже слышала? – сказала она, поднимая заплаканные глаза. – Умер Иосиф Бродский.

Это известие застало ее утром, но подсознание Светланы уже успело внедрить его в сновидения – после обеда она прилегла вздремнуть. Ей приснилось, будто они с Бродским и еще какими-то людьми сидят, скрестив ноги, у фонтана рядом с Научным центром и передают из ладони в ладонь кукурузные зерна. Послышался тихий звенящий звук, небо стало цветом как пепел. Фонтан иссяк. Они принялись молиться о дожде. Небо потемнело, но гроза не шла – вместо нее началось затмение.

Я подняла книжку, лежавшую на полу обложкой вниз, – сборник «К Урании» на русском языке. Открыла ее наугад. Мне было знакомо примерно одно слово на строчку: «здесь», «твой», «наверное».

Вернувшись в свою комнату, я села за стол проверить почту. Увидела в папке с входящими имя Ивана, вздрогнула и вдруг поняла, что весь день ждала этого письма. В строчке «тема» значилось Сибирь. Я перечитала письмо несколько раз. Его смысл оставался неясным.

Отдельные слова и даже предложения были вроде бы понятны, но составленные вместе они казались написанными на другом языке.

Дорогая Селин, Соня, мне снился странный сон, – начиналось письмо. Сон был про реку Енисей. Теперь я знаю, что ты – там. Знаю, что ты изменишь мне с бывшим парнем моей будущей девушки. Но я всё прошу. Не будь тебя, я не нашел бы Барбару, идеальную механическую преподавательницу.

Иван просил меня пересказать сюжет фильма «До свидания, лето», 15-серийного сериала, снятого на Би-Би-Си для изучающих начальный русский. Мы должны были смотреть его весь семестр, и нас могли спросить о нем на экзамене. Если ты мне его перескажешь, я прошу тебе Сибирь, 150 лет турецкой оккупации венгров и даже отвратительные книги, которые мне пришлось читать в школе о том времени.

Я никогда не слышала об оккупации Венгрии османами. В детстве мне говорили, что турки и венгры – родственные народы, что гунны – тоже тюрки, что оба эти народа мигрировали на запад с Алтая и что говорили они на схожих языках. У меня был дядя Аттила, обычное турецкое имя. Но в Ивановом мире наши предки враждовали.

От этого ощущения близости и в то же время отдаленности кружилась голова. Всё, что он говорил, пришло откуда-то совершенно извне. Я никогда не смогла бы всё это сочинить или угадать. Он рассказал мне сон. Он написал: знаю, что ты изменишь мне. Но пообещал всё простить, даже дважды. Я ничего против него не совершала, но от мысли о том, что всё же что-то совершила или совершу, захватывало дух. Мне захотелось сразу ответить, но он медлил с ответом целый день, так что и я подожду по меньшей мере столько же.

* * *

По пути в раздевалку мы со Светланой шли через тренажерный зал.

– Я обмолвилась Уильяму о том, как ты обалдела от его бесед по тригонометрии, – говорила она. – Этого больше не повторится.

Я почувствовала, что меня предали, но потом поняла, что у Светланы, наверное, к Уильяму слабость. В этот момент я увидела у одного из тренажеров Ивана, который тянул за прикрепленный к шнуру железный стержень. На другой стороне блока плавно ползала вверх-вниз стопка грузов. Поднявшись, Иван отпустил стержень, и грузы с приглушенным лязгом рухнули. Низкое подвальное помещение не давало ему встать в полный рост. Он повернулся, но увидел ли нас? – я не была уверена. Пока я раздумывала, поздороваться или нет, мы уже подошли к раздевалке.

* * *

Дорогой Иван, набирала я в компьютере. Проснувшись в Сибири, я почувствовала, как сильно тоскую по дому. Я думала, за день тоска пройдет. Но она не прошла. Я написала, что уехала из Сибири и вернулась домой. В душе мне казалось, что больше ничего не будет, что я поднимусь на эскалаторе и увижу лишь снег. Но вместо этого я обнаружила кирпичные стены, Бальзака, замороженный йогурт, альвеолярные фрикативные звуки – словно никуда не уезжала. Я чувствовала потребность рассказать ему о том, что меня окружают и подавляют вещи, чей смысл сомнителен или неведом и чьи масштабы никак не соотносятся с моими.

Я принялась за пересказ фильма «До свидания, лето». Это была длинная история, и по ходу письма мне пришло в голову, что я теряю некий политический капитал. Я удалила всё

написанное и вместо этого набрала: Пересказать сюжет я, разумеется, могу. Теперь он должен снова попросить.

* * *

Перед экзаменом мы со Светланой встретились на завтраке.

– У тебя вид, будто кто-то умер, – сказала она.

– Плохо спала, – ответила я.

– Только не говори, что нервничаешь, – сказала Светлана.

– Когда я начинаю волноваться, – вставил парень по имени Бен, – мне нравится думать о Китае. Там живет чуть не два миллиарда людей, и никому из них даже в голову не приходит париться по поводу вещей, которые тебе кажутся очень важными.

Я допустила, что эта мысль может придать бодрости.

Светлана любила приходить всюду заранее, и в экзаменационный класс – залитый солнцем зал с длинными дубовыми скамьями – мы вошли в числе первых. Я примостилась на краю одной из скамей, а Светлана села впереди и повернулась ко мне. Мы беседовали о том, стоит ли Светлане поехать на церемонию памяти Бродского в колледже Маунт-Холиоук. Вдруг она умолкла, уставившись на что-то позади меня.

– Соня, – сказал Иван. – Ну что, расскажешь мне этот бибисишный фильм?

Я изложила ему сюжет, начиная с того момента, когда Ольга забыла учебник у Виктора в такси. Гам в зале усиливался, Иван подошел ближе и наклонился ко мне. Вскоре он уже сидел у моих ног, хмурясь и для равновесия держась за спинку моей скамьи.

Когда в зале появился проктор, я как раз дошла до той части, где они оба вступили в брак, каждый со своей парой.

– Этим всё и кончается, – сказала я.

– Ты мой спаситель, – ответил Иван, глядя мне в глаза, и затем отправился искать себе место.

– Кто это? – спросила Светлана.

– Иван, помнишь? Мы же все были в одном классе.

– Совсем его не помню. Не понимаю, как я могла забыть такого парня. А почему он сам не мог посмотреть этот фильм?

– Полагаю, был занят.

– У него, наверное, очень богатая внутренняя жизнь, – сказала Светлана. Я рассмеялась. Но она оставалась серьезной. – А ты не замечаешь за ним ничего странного? То, как он смотрит, – словно пытается заглянуть тебе *внутрь*. Никогда не бывает не по себе? *Мне* сделалось неуютно.

А мне не сделалось.

* * *

Иван прислал имейл с темой Ленин. Он писал, что русские собираются убрать Ленина из мавзолея на Красной площади. Ивану будет его немного не хватать. Ленин всегда был рядом – «Ленин фотографией на белой стене», эти стихи они читали в учебнике четвертого класса, но им ничего не рассказывали о том, почему Маяковский свел счеты с жизнью.

После 1990 года все ленинские памятники в Будапеште собрали и вывезли в парк за чертой города. Из них вышло очень милое сообщество, «даже прелестнее, чем коммунизм, как его себе представляли». Ленин приветствовал Ленина напротив другого Ленина, за которым бежал пролетарий по прозвищу «гардеробный памятник» из-за знамени в его руках (ВЫ ЗАБЫЛИ СВОЙ СВИТЕР, СЭР!). Стоявший сзади гигантский улыбающийся Ленин был еще в

начале восьмидесятых испорчен вандалами. ХВАТИТ, ИЛЬИЧ, КОНЧАЙ УЛЫБАТЬСЯ. МЫ БОЛЬШЕ НЕ ТУРКИ. ЧЕГО НАМ БОЯТЬСЯ? – написали они. По-венгерски рифма удачнее.

Еще один ленинский памятник, подарок от советского народа, получил повреждения, пока ехал поездом из Москвы. Его отвалившуюся макушку так и не нашли. Венгерские скульпторы в спешке вырезали ему из лучшего мрамора кепку. На пышной церемонии открытия все увидели, что у Ленина – две кепки: одна на голове, а другая – в руке.

Я читала и перечитывала это письмо. Мне было не вполне ясно, зачем Иван его написал, но он потратил на него время и, видимо, хотел произвести впечатление. У меня не шли из головы эти Ленины в парке, собранные в конфигурации, которую никто нарочно не придумывал, но которая каким-то образом являла собой подлинное воплощение коммунизма. Стиль письма был хоть и игривым, но в то же время серьезным. О самоубийстве Маяковского он писал всерьез.

Распорядок сна у меня совершенно пошел вразнос. Казалось, я постоянно думаю о чем-то не о том. Каждую ночь я ложилась около полуночи, закрывала глаза, и в голову начинали лезть всякие путаные мысли, я снова включала свет и читала до четырех.

Чтобы лучше понять Ивана, я прочла «Книгу смеха и забвения»¹⁸. В первой же главе пересказывался анекдот об абсурдности в коммунистическом правлении, где тоже фигурировал головной убор. Судя по всему, коммунисты удалили с фотографии какого-то деятеля, но забыли убрать его шапку. Об этой шапке я размышляла часами. Я знала, она как-то связана с кепкой на венгерском ленинском памятнике. Но как? Она просто была, и всё – эта лишняя кепка.

* * *

Мы со Светланой посмотрели в киноархиве «Три песни о Ленине»¹⁹. В третьей песне Ленин умер. Вся заключительная часть изображала только плачущих людей – людей старше, моложе, детей; русских, татар, среднеазиатов; на заводах, в полях, на похоронах. Там была склейка, где с мертвого Ленина, лежащего в гробу, план переходит на Ленина, улыбающегося солнцу, чтобы показать весь контраст между смертью и жизнью. Раньше мне никогда не приходило в голову, как много людей в самом деле любили Ленина – любили по-настоящему, испытывали подлинное чувство.

Светлана рассказала, что когда она ходила в первый класс, школьники на игровой площадке изводили друг друга вопросом: «Ты кого больше любишь, товарища Тито или маму?»

* * *

В последний день на «Строительстве миров» Гэри помогал нам расположить завершённые проекты в выставочной галерее.

Сэнди, чьи венгерские церкви нуждались в дополнительном нарративе, принес шесть новых гравюр таких же венгерских церквей, но на этот раз на ступеньках перед входом стояли свиньи. Он пояснил, что свиньи сбежали с соседней фермы.

Гэри разложил на столе все оттиски, а потом некоторые перевернул, чтобы показать, насколько по-иному выглядят оставшиеся картинки в зависимости от их числа и от того, какие именно остались. Они и в самом деле стали смотреться совсем иначе. То, что Гэри хоть в чем-то оказался настоящим мастером, несколько воодушевляло. Мы коллективно выбрали четыре

¹⁸ «Книга смеха и забвения» (1978) – роман чешско-французского писателя Милана Кундеры.

¹⁹ «Три песни о Ленине» (1934) – документальный фильм Дзиги Вертова.

картинки, которые лучше всего подходили друг другу. По отдельности они не были лучшими, но в них чувствовалось напряжение. Одна без свиней, три другие – со свиньями. Затем мы стали думать, как их удачнее развесить. Испробовали разные конфигурации. Оказалось, манипуляциям и изменениям поддается все. Телестойка Руби выгоднее всего смотрелась рядом с фальшивой энциклопедией, изготовленной одним студентом-программистом. Венгерские церкви выигрывали, если их расположить в ряд, в то время как иллюстрациям к «Наоборот» больше шел шахматный порядок.

Из моих двенадцати фотографий розовой гостиницы класс выбрал шесть. Было забавно увидеть, какие именно картинки им не приглянулись. На одном фото в другом конце холла стоял человек с чемоданом. Все единодушно невзлюбили и его самого, и чемодан. Зато картинки с Ханной и вообще без людей имели успех. Мы развесили фотографии в ряд, а распечатку рассказа я положила на стойку под ними. Для текста я выбрала размер шрифта десять пунктов, чтобы, с одной стороны, сэкономить бумагу, а с другой – отвести читателей от рассказа, который, как мне казалось, их мало заинтересует. Я пребывала в глубоком убеждении, что неплохо пишу и что я в некотором роде *уже* писатель, и неважно, написала ли я хоть один текст, который хоть кому-то захочется прочесть, и создам ли я хоть что-нибудь в принципе.

* * *

Когда Ханна увидела, сколько страниц в распечатке, да еще и таким мелким шрифтом, она долго не могла прийти в себя. Она была уверена, что во всем университете не сыщется человека, способного писать столь длинные и подробные истории, и стала склонять меня к участию в студенческом литературном конкурсе.

– Ты не забыла подать заявку? – спросила она на другой день.

– Я не нашла этот корпус, – ответила я.

Ханна знала карту кампуса наизусть и провела меня к деревянному домику, где была редакция нашего литературного журнала. Она проследила, чтобы я оставила там распечатку с моим именем и телефоном на отдельном листе.

* * *

Экзамены кончились. Настало время забыть про фонетические символы, русские глаголы и сюжеты романов прошлого века. На несколько свободных дней, оставшихся до начала нового семестра, к Светлане приехала мать. Она ночевала у Светланы в спальне, а Светлана гостила пока у меня – в общей комнате она жить не могла, поскольку Ферн выращивала какое-то нежное растение, требующее яркого освещения даже ночью.

Мать Светланы пригласила нас обеих пообедать во французско-камбоджийском ресторане.

– Селин, это Саша, моя мама, – сказала Светлана. – Мама, это Селин, моя подруга.

Светланина мать пристально на меня посмотрела.

– Дорогая, – произнесла она резким голосом, – у тебя разве нет другого пальто?

Я была в гоголевском плаще из «Файлинс». Когда я поведала про украденную куртку, Светланина мать приобрела ошарашенный вид.

– Украли? Боже мой! Светлана, у тебя же есть какая-нибудь старая куртка, которую ты могла бы отдать Селин. Может, та лиловая лыжная? Она висит дома. Я могу выслать по почте.

– Мама, той куртке уже два года. И рукава у нее коротки даже *мне*. Селин она не подойдет.

– Да, это так, Селин крупнее. Жаль.

– Мне нравится пальто Селин, – сказала Светлана.

– О, мне тоже, не поймите меня неправильно, оно... эlegantное. Может, даже слишком эlegantное – пожалуй, слегка смешное. Но, разумеется, ты должна его носить, пока не купишь что-нибудь другое. Нельзя же замерзнуть насмерть.

На стол принесли глиняный горшочек, из которого что-то гневно плевалось кокосовым молоком. Мать Светланы предалась воспоминанием о любимом празднике своего детства. – Мы ходили на... как это по-английски? Где покойники. А, кладбище, кладбище. Турецкое кладбище. Мы плясали на их могилах. Играл оркестр – ну, небольшой, пять или шесть музыкантов, много цветов, а все девочки – в красивых шелковых платьях. Красные, желтые, белые платья, все разных цветов. Это был прекрасный праздник.

– Мама, – сказала Светлана, – это неподходящая история для моих турецких друзей.

– Не глупи. Это милый, невинный праздник – танцы и цветы. Селин не обидится. Турки были могущественным, достойным противником.

– Как сербы в Боснии? – спросила Светлана.

– При чем здесь это вообще?

– Странно, что ты говоришь о турках. Можно подумать, быть сербом сегодня – это круче всего.

– Нет никакой разницы – быть сербом или еще кем-то. Я не устраиваю этнических чисток. Лично я желаю боснийцам только добра. И туркам тоже. Я просто поделилась воспоминаниями из своего счастливого детства, к чему эти вечные политические споры? Хватит быть серьезными. – Она резко повернулась ко мне. – Ты не эпилируешь брови воском? Или ты наверняка пользуешься пинцетом. Нет? Они у тебя такой интересной формы. И не скажешь, что от природы. Разумеется, тебе *не нужно* ничего делать с бровями. Вот только тут слегка подправить, но это не критично. Не то, что Светлана, которая вообще ничего не желает делать со своими бровями, и из-за них у нее сердитый вид.

– Это потому, что я *сердита*. И брови здесь ни при чем.

– Да, знаю, дорогая, ты всё время так говоришь. Но из-за них ты как бы глядишь исподлобья, словно угрюмый мальчишка. Ты могла бы стать куда привлекательнее. Как ты думаешь, Селин?

Я понимала, о чем речь, она имела в виду выражение, которое появляется у Светланы, если смотреть на нее под определенным углом, когда она опускает взгляд, и этот ее вид был мне дорог.

– Мне нравятся брови Светланы, – сказала я.

– Ах! – вздохнула она. – Вы, девочки, еще такие молоденькие.

– Я не чувствую себя молоденькой, – сказала Светлана. – Сегодня я постарела на тысячу лет. Селин, ты даже представить не можешь, какой был сегодня утомительный день. Мы с семи утра бесконечно спорим о том, как Саша просрала мое детство.

– Да нет, дорогая, мы не спорили, ведь я же полностью с тобой согласна. Я была чудовищем. Монстром. Но что толку заикливаться на этом сегодня? Какая разница? Сейчас мы можем идти дальше. Разве я неправа?

Светлана ничего не ответила, но было чуть ли не слышно, как она закипает, словно кокосовое молоко в горшочке.

– Ты получилась великолепной, – сказала я и опустила ладонь на ее руку. – Ты просто взгляни на себя!

– Без толку! – воскликнула Светланина мать, постукивая кольцом по столу. – Даже будь она и впрямь чудовищем, нам просто пришлось бы иметь дело с тем, что есть. А спорить – без толку.

Весна

В первый день семестра мы проходили неправильные русские существительные: они внешне похожи на существительные женского рода, но при склонении требуют мужских окончаний. Это были хорошие слова: календарь, словарь, портфель, медведь. Иван опоздал и сел прямо позади меня. В его физическом присутствии с трудом верилось, что это он писал мне все те письма.

Поскольку мы сидели почти рядом, нас назначили парой в упражнении на творительный падеж. Надо было расспросить напарника, кем он хочет «стать» после университета. Ответ в любом случае получался существительным в творительном падеже. Я сказала, что хочу стать писателем.

– Что ты будешь писать? Рассказы, эссе, стихи?

– Нет, романы.

– Интересно, – сказал Иван. – Мне кажется, ты можешь написать хороший роман.

– Спасибо, – ответила я. – Мне кажется, ты можешь стать хорошим математиком.

– Правда? Откуда ты знаешь?

– Я не знаю. Просто вежливо отвечаю.

– А, понятно.

Казалось, говорить больше не о чем. Я оглядела класс. Все продолжали корпеть, словно тюлени, над своими диалогами.

– Где ты хочешь жить после университета? – спросила я, хотя этого не было в задании, и ответ не подразумевал творительного падежа.

– После университета? – он показал на пол. – Этого, Гарвардского?

– После университета. Этого, Гарвардского.

– Я хочу жить в Беркли.

Я попыталась вспомнить, что такое Беркли.

– Это... в Калифорнии?

Иван кивнул.

– Я хочу закончить магистратуру в Беркли, в Калифорнии.

Я никогда не бывала в Калифорнии и даже не думала о ней.

Варвара раздала последнюю порцию «Нины в Сибири». Там использовались все шесть падежей. Мы с Иваном вместе пошли по лестнице.

– Что ты будешь делать сейчас? – спросил он. Звучало экзистенциально.

– Не знаю, – ответила я, пытаюсь не отставать.

Он замедлил шаг.

– Идешь на уроки?

– Нет, у меня окно, – сказала я. – А ты что будешь делать?

Он долю секунды поколебался.

– А я иду на занятия.

– А-а.

– Но мне очень не хочется.

Так не ходи, чуть не сказала я. Он подержал передо мной дверь, тяжелую несгораемую дверь. Мне не нравилось идти впереди него. Мне не нравилось, когда он исчезал из моего поля зрения, и не нравилось, что он смотрит мне в спину. Я прошла через дверь. Мы попрощались, и я отправилась в студенческий центр, где взяла кофе и села читать про Нину.

Затмение

Той весной случилось солнечное затмение. Нина с Леонидом поехали на конференцию в Улан-Удэ, город в восточносибирской Бурятской Республике, – считалось, что там это затмение будет видно лучше всего.

Презентация Нины прошла очень успешно. Все согласились, что это – «последнее слово в физике». Потом был большой ужин. Физики допоздна ели осетрину, пили водку, болтали и рассказывали анекдоты.

– Добрый вечер, – поздоровался незнакомец. Нина и Леонид обернулись и увидели... шамана. – Всего за два рубля я предскажу вашу судьбу, – продолжал шаман.

Леонид дал шаману два рубля. Тот долго разглядывал Нинину ладонь.

– У вас начинается новая жизнь, – наконец произнес он. – Мне кажется, вы скоро выйдете замуж.

Леонид дал шаману еще пять рублей.

На следующее утро Нина проснулась на заре и надела свои самые теплые вещи. Она взяла меховую шапку, подаренную в «Сибирской искре». Вместе с Леонидом они отправились на смотровую площадку. Там собралось много физиков.

Вдруг Нина услышала знакомый голос.

– Нина!

Она обернулась и увидела Ивана.

– Нина, – сказал Иван. – Поздравляю тебя с вчерашней блестящей презентацией. Как я рад тебя видеть! Расскажи, как ты живешь?

– Иван! – ответила Нина. – Я живу хорошо.

– Привет, Иван, – сказал Леонид.

– Привет, Леонид, – сказал Иван.

Все трое студентов замолчали.

– Нина. Леонид. Слушайте, – произнес, наконец, Иван. – Я хочу, чтобы вы узнали правду обо мне. В Москве Нина была моим другом, и мне казалось, я люблю ее. Но прошлым летом я встретил Галину и влюбился. Галина жила в Сибири и собиралась замуж за Леонида. Я жил в Москве и собирался жениться на Нине. Мы с Галиной решили просто забыть друг о друге. Но потом я получил письмо от дяди. Он пригласил меня работать в свою новосибирскую лабораторию. И тогда я понял: это – судьба.

– Судьба? – повторила Нина.

– Я решил уехать в Новосибирск, но побоялся тебе сказать. Мне почему-то казалось, ты сама поймешь, что между нами всё кончено. Позднее, когда я узнал, что ты приехала в Сибирь, то понял, что поступил глупо и трусливо. Я начал писать тебе письмо, но не мог подобрать слов. Нина, прости меня, если сможешь.

– Простить тебя, Иван? – ответила Нина. – Но я тебе благодарна! Если бы ты остался в Москве, я не уехала бы в Сибирь. А если бы я не приехала в Сибирь, то не встретила бы Леонида.

– Ребята! – крикнул кто-то. – Затмение начинается!

Солнце постепенно превратилось в убывающий полумесяц. Тень луны поглотила небо почти целиком. Разноцветная солнечная корона становилась всё ярче и ярче. Поначалу Нина и Леонид по очереди смотрели в солнечный телескоп. Но потом их взгляды встретились.

Последнюю часть я читала с нехорошим предчувствием. В ней всё казалось фальшивым: пророчество шамана, объяснения Ивана и особенно – «счастливый» конец. Зачем Нине смотреть вместо телескопа в глаза Леонида? Каким образом появление Леонида разрешило все противоречия? Почему всякая история должна непременно завершиться свадьбой? В «Холодном доме» и даже в «Преступлении и наказании» такой финал можно ожидать. Но «Нина в Сибири» казалась совсем иной. В отличие от всего, что я прочла за тот семестр, «Нина», в моем представлении, обращалась непосредственно ко мне, суля открыть нечто важное об отношениях между языком и миром. Тайна оказалась ложной, все сошлись со своими парами и аннигилировали – я почувствовала подлое предательство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.